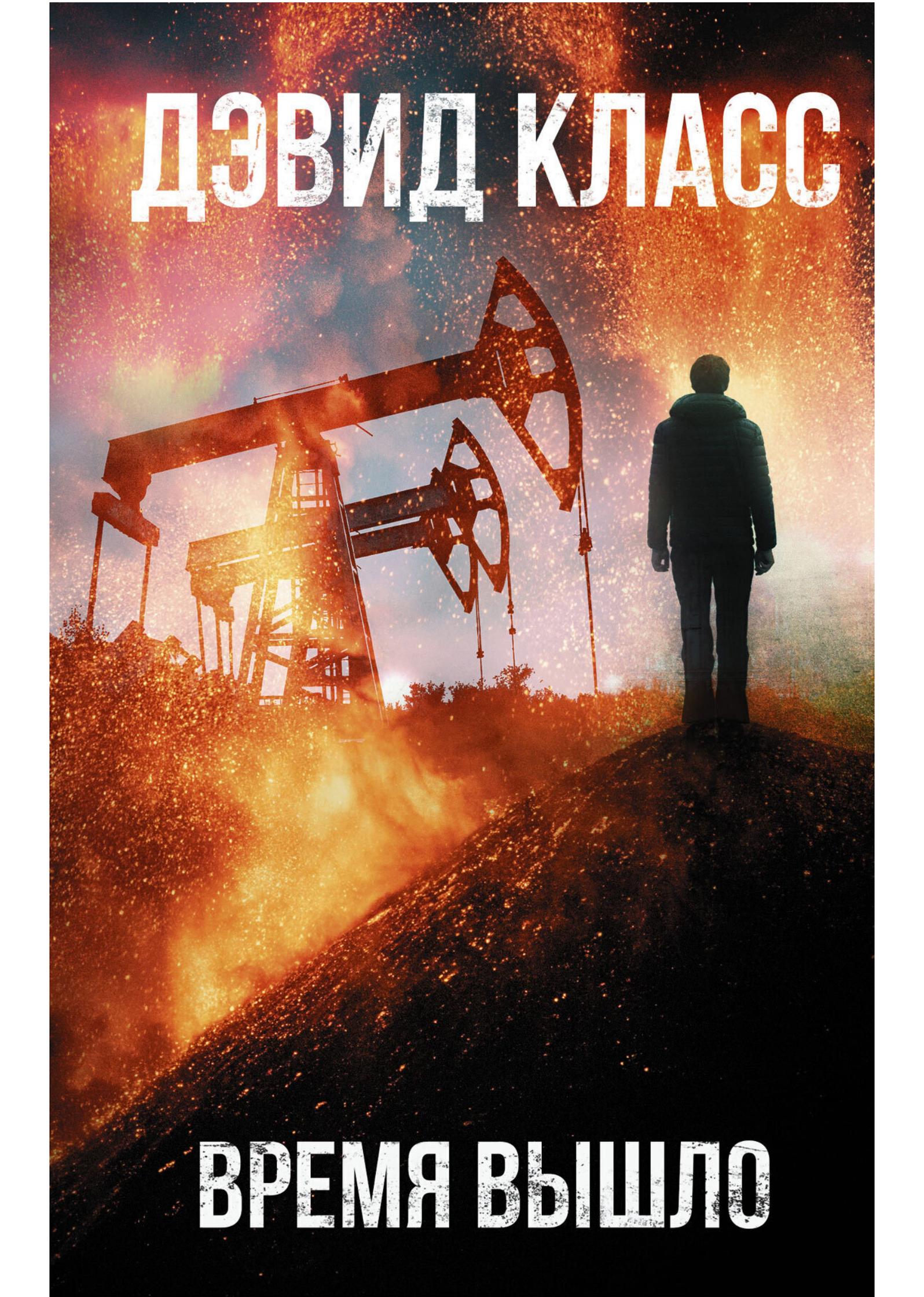

ДЭВИД КЛАСС

A person in a dark jacket stands on a large mound of coal. To the left, an oil pumpjack is visible, with a bright orange and yellow glow emanating from its base. The background is a dark sky filled with a dense shower of glowing orange and yellow particles, resembling sparks or embers. The overall scene is dramatic and evocative, suggesting themes of industry, energy, and environmental impact.

ВРЕМЯ ВЫШЛО

Смертельная угроза

Дэвид Класс

Время вышло

«Издательство АСТ»

2020

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Сое)-44

Класс Д.

Время вышло / Д. Класс — «Издательство АСТ»,
2020 — (Смертельная угроза)

ISBN 978-5-17-123552-9

Месяц за месяцем ФБР охотится за таинственным неуловимым террористом, которого пресса прозвала «Зеленым человеком», а он вновь и вновь выскользывает из самых хитроумных ловушек, расставленных лучшими мастерами своего дела. Список жертв все растет, и каждая из них – могущественная персона, так или иначе всерьез наносившая урон окружающей среде. Постепенно «Зеленый человек» становится кумиром сотен тысяч борцов за экологию... Молодой программист на службе ФБР Том Смит внезапно обнаруживает кое-что, упущенное другими. Кое-что, действительно способное помочь поймать «Зеленого человека». Однако Тому не дает покоя один вопрос: что, если тот, кого он отдаст в руки закона, – действительно единственный, кто способен спасти наш мир?..

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-123552-9

© Класс Д., 2020
© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	16
Глава 5	21
Глава 6	24
Глава 7	30
Глава 8	35
Глава 9	39
Глава 10	42
Глава 11	47
Глава 12	51
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Дэвид Класс
Время вышло
Роман

Гейбу и Мэдди

David Klass
Out of Time

* * *

All rights reserved including the right of reproduction in whole or in part in any form.

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers. Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

© David Klass, 2020

© Перевод. С. Скворцов, 2020

© Издание на русском языке AST Publishers, 2021

Глава 1

Человек лежал в темноте у края скалы и смотрел в бинокль на залитую лунным светом извилистую реку Снейк¹, пробивающую себе дорогу через холмы Айдахо к плотине. Несмотря на колоритное прозвище, которое дали ему журналисты, мужчина с головы до пят был одет в черное, черным был и лежавший рядом с ним дрон – от четырех пропеллеров до девятикилограммовой боевой части. Этот большой квадрокоптер он три месяца собирал сам в своем охотничьем домике из деталей, которые нашел на свалке. Теперь тот громоздился на скале рядом с ним, подобно доисторической птице, готовой спикировать на ничего не подозревающую жертву.

Мужчина провел рукой по щетине на лице. Четыре дня он не спал в постели, не принимал душ и ни с кем не разговаривал. Он добирался сюда на своем фургоне по проселочным дорогам через семь штатов, отказавшись от использования мобильного телефона и кредитных карт и не выходя в интернет с того момента, когда попрощался с женой и детьми и выехал из своего дома в Мичигане. Он взял с собой запасы еды, питья и бензина, так как в любом магазине, даже самом маленьком, может оказаться камера, и сделанный снимок станет доступным для тех, кто его разыскивал. На нем была флисовая куртка, обшитая снаружи нейлоновой тканью, не пропускающей тепло его тела, ведь он находился всего в полутора километрах² от слабо защищенной цели, а спутники, которые его искали, были оснащены тепловизорами.

Древние архейские образования под ним – старейшие из скал на поверхности земли – круто обрывались в ущелье, прорезанное рекой Снейк за время ее тысячекилометрового извилистого пути на запад, к далекому Тихому океану. При взгляде на эту картину, сияющую в серебристом лунном свете, у человека возникло ощущение, что он смотрит назад, сквозь века, и видит то время, когда земля была нетронутой и чистой, а человечество еще ничего не успело испортить. На мгновение его охватило глубокое чувство печали и безысходности, и он едва не сдался, уступив желанию вернуться к палатке. Вопреки психологическому портрету, составленному криминалистами ФБР и растиражированному так широко, что даже он сам прочитал его, человек вовсе не хотел, чтобы его схватили. Если они найдут его, то упрячут в тюрьму на всю оставшуюся жизнь. Он не боялся боли, но пожизненное заключение казалось ему настоящим адом на земле, и он отчаянно хотел его избежать. Если он будет пойман, то они уничтожат и его семью, представляющую для него невероятную ценность.

Он остро осознавал, что с каждой его атакой вероятность ошибки возрастает. Оперативная группа по Зеленому Человеку теперь насчитывала более трехсот преданных своему делу федеральных агентов, вдвое больше тех, что преследовали Унабомбера³. Рано или поздно он ошибется и даст им зацепку, которая поможет его поймать, – это был вопрос времени и удачи, и, если он продолжит свое дело, это произойдет неизбежно. Если он остановится, они будут иметь лишь ту информацию, которой располагают сейчас. Возможно, не имело никакого смысла рисковать дальше – этот мир сделал множество шагов по своему самоубийственному пути, и человек глубоко сомневался, что он сможет обратить вспять то, что уже пришло в движение.

---

¹ Говорящее название: «снейк» по-английски означает «змея». – *Здесь и далее прим. пер., если не указано иное.*

² Прозвище профессора математики Теодора Качинского, крупнейшего бомбиста в истории США. С 1978 по 1996 год ему удалось совершить 16 терактов, убить 3 и ранить 23 человека, которых Качинский считал причастными к стимулированию технического прогресса.

³ Прозвище профессора математики Теодора Качинского, крупнейшего бомбиста в истории США. С 1978 по 1996 год ему удалось совершить 16 терактов, убить 3 и ранить 23 человека, которых Качинский считал причастными к стимулированию технического прогресса.

Самым разумным было бы оставить свою миссию и проводить драгоценное время с женой и детьми. Но тут он увидел мигающие фары джипа, когда ночной патруль двинулся вдоль парапета на гребне плотины, и две крошечные точки света, мерцающие наверху стодвадцатиметрового сооружения, подстегнули его к действию.

Мужчина достал из большого черного рюкзака передатчик, оставив его в чехле из стеклопластика, маскирующем тепловой след. Он включил его, и несущие винты квадрокоптера тут же пришли в движение. Он в последний раз проверил груз – двадцать брусков плотно уложенной пластичной взрывчатки тесно прилегали к капсуль-детонатору.

Квадрокоптер оторвался от скалы, и человек уверенной рукой передвинул две ручки управления, вводя поправки на угол крена, тангаж, рыскание и тягу. Затем он отвел его от себя, и большой беспилотник воспарил над ущельем, над залитым лунным светом водохранилищем и массивной плотиной. Медленно кружа, дрон завис в воздухе черным пятном на фоне полной луны – удерживаемый на такой высоте, чтобы наблюдатели не могли увидеть и услышать его. Это была тихая и безоблачная ночь – ночь, когда Господь представал сильным и могущественным в великолепии небес, и у человека был последний шанс, чтобы задуматься, осознать те колоссальные разрушения, которые он хотел произвести, и пожалеть об отнятых жизнях невинных людей.

Профайлеры ошиблись и в этом: он не был социопатом; на самом деле он обладал способностью к эмпатии, и убийство никогда не приносило ему радости. Не оставалось у него и иллюзий, что люди, чьи жизни он собирался прервать, несли какую бы то ни было ответственность за существование или предназначение плотины. Большинство из них еще не родились в 1970 году, когда она была построена, и им просто не повезло оказаться поблизости в ту ночь, когда он должен был ее уничтожить. Человек понимал, что сотрудники плотины, скорее всего, работают здесь ради стабильной зарплаты. Он и сам, только что окончив Йельский университет и слоняясь без дела, несколько раз брался за такую работу. Но не было способа сделать то, что нужно сделать, избежав гибели людей. Человек склонил голову и помолился. «Прости меня, Господи», – прошептал он, и его пальцы переместились на правую ручку управления, отправляя беспилотник в крутое, тщательно контролируемое пике. Он ощутил прилив возбуждения, которое всегда охватывало его в предвкушении того, что должно произойти, вкупе с порочной гордостью за свое создание, пикирующее со скоростью ста километров в час. Каждый лишний килограмм веса затруднял полет и уменьшал скорость, поэтому ему понадобились годы, чтобы научиться строить нечто способное летать достаточно быстро с настолько тяжелым грузом.

Джип прошел полпути по гребню плотины, но вдруг остановился. Неужели водитель что-то услышал? Это было маловероятно, да и слишком поздно, если только тот не являлся снайпером, способным оценить ситуацию и выстрелить в течение пары секунд. Скорее всего, часовой остановился, чтобы покурить и полюбоваться залитой лунным светом панорамой, которую наблюдал оператор дрона. Обрамленный стенами ущелья, на фоне громоздкого темного монолита бетонной стены серебристый поток воды вырывался из водосбросного люка и стодвадцатиметровыми каскадами устремлялся в сверкающее внизу водохранилище.

Но ничего не происходило. Время будто остановилось, и человек почувствовал: должно быть, что-то пошло не так. Если взрывное устройство не сработает, агенты ФБР найдут квадрокоптер и бомбу целыми, и, несмотря на все предпринятые им меры предосторожности, у них будет над чем поработать. Запаниковав, он подумал о Шэрон, Ким и Гасе, о том, как перевернется их жизнь, если его поймают. Самое доброе, что он мог для них сделать, – это избавить от кошмара суда, поэтому носил пилюлю с ядом с собой, куда бы он ни пошел.

Он увидел взрыв раньше, чем услышал его. Завеса огня накрыла низовую сторону плотины до самого гребня. Мощная ударная волна с неистовым грохотом прокатилась по ущелью. Но плотина не рухнула сразу, да мужчина и не ожидал этого. Атака на Всемирный торговый

центр⁴ с ужасающей ясностью продемонстрировала, что нет необходимости в том, чтобы взрыв мгновенно уничтожил объект, – нужно всего лишь нанести структурный ущерб конструкции, достаточный для того, чтобы вес, давление и сила тяжести довершили ее разрушение. Нападавший использовал ту же концепцию. Взрыв должен был лишь подорвать конструктивную целостность арочной плотины в критической точке. Тысячи тонн воды реки Снейк быстро сделают все остальное.

На протяжении нескольких секунд, протекавших мучительно медленно, все как будто оставалось прежним. Мантия пламени снова свернулась. Вслед за оглушительным грохотом взрыва наступила тишина. Затем сквозь первые трещины начали просачиваться маленькие струйки воды, словно над водохранилищем одновременно открылась дюжина новых водосборов.

Человек не стал дожидаться, пока река разнесет плотину: он не находил никакого удовольствия в разрушении и смерти, хоть и планировал это месяцами. Он уже видел приближающиеся огни и слышал сирены. Не пройдет и двадцати минут, как сюда придут вертолеты. Он уложил вещи в рюкзак, тщательно проверил, не оставил ли после себя какой-нибудь мелочи, забрался на мотоцикл и устремился в ночь к своему фургону, который кружным путем отвезет его к тем, кого он любил.

---

⁴ В Нью-Йорке 11 сентября 2001 года.

Глава 2

Том прибыл в гостиничный бар на пять минут раньше, но его отец был уже там, одолев полстакана скотча и поглядывая на часы. Он не поднял головы, когда Том приблизился к нему сзади, а только сказал:

– Думал, у тебя какая-то романтическая встреча. Зря я в это поверил.

Том отметил про себя тонкую полоску зеркального стекла над баром, которая давала отцу прекрасный обзор. Том уселся на барный стул рядом с ним.

– Как ты долетел? – спросил он, протягивая правую руку. – Дай пять, папа.

Рукопожатие было твердым и коротким, не интимным жестом вежливости, а данью мужскому протоколу – чем-то вроде воинского приветствия.

– А как ты, черт возьми, думаешь? Толстая дама, сидящая рядом со мной, весила, наверное, килограмм сто пятьдесят.

– Ну, толстякам тоже нужно летать.

С сомнением хмыкнув, отец отхлебнул большой глоток скотча.

– Как там мама?

– Передает тебе привет.

– Чем она занимается?

– Ходит в читательский кружок.

– И что они там сейчас читают?

– Забыл спросить. – Том махнул рукой бармену. – Если тебе попадетсЯ что-нибудь интересное, вам будет о чем поговорить.

Отец поставил на стол свой стакан, посмотрев ему прямо в лицо, и Том сразу увидел, как тот постарел. Некогда густые, иссиня-черные волосы почти полностью исчезли, а немногие сохранившиеся пучки были редкими и совершенно седыми. Кожа на щеках отца обвисла, и у него появилась новая нервная привычка щипать и оттягивать эти складки. Это было кислое лицо несчастного старика, недовольного своей жизнью и страшящегося смерти.

– Пытаешься острить?

Подошел бармен, и Том заказал крафтовое пиво.

– По крайней мере, выпей со мной, – сказал отец.

– Я уже пью с тобой. Я только что заказал пиво. Ради бога, папа!

– Все это пустая затея.

Том заставил себя успокоиться.

– Послушай, я вовсе не хочу ссориться. Я рад тебя видеть. И рад, что ты приехал со мной повидаться. Мне жаль, что я не смог вырваться во Флориду на твой день рождения. Ты прекрасно выглядишь.

– Я приехал не для того, чтобы с тобой повидаться.

– Ну, хорошо. Я рад, что мы случайно встретились в этом баре. Как ты себя чувствуешь? Как тебе живется с кардиостимулятором?

– Тебе позволяют носить такую прическу?

Бармен принес пиво, и Том, улынувшись, кивком поблагодарил его и сделал глоток.

– Я же не в морской пехоте, отец.

– Твое счастье, – ответил бывший капитан морской пехоты.

Оба замолчали. Висевший над баром телевизор транслировал матч по смешанным единоборствам, где один из бойцов, заняв доминирующее положение, молотил другого.

– Я скучаю по боксу, – в конце концов тихо произнес отец. – Это дерьмо убило бокс.

– Они хорошо подготовлены. Удары локтями – это приемы тайского бокса.

– Я бы предпочел Джо Фрейзера или Роберто Дурана⁵. – Отец Тома допил скотч и жестом попросил бармена снова наполнить стакан. – Ну, и как тебе это нравится?

– Ты имеешь в виду работу?

– Никогда бы не подумал, что ты будешь заниматься этим.

– Спасибо. Я только приступил, но пока мне нравится.

– Твоя мать говорит, что тебя включили в большую оперативную группу.

– Всего неделю назад. По тому парню, который все взрывает. По Зеленому Человеку.

Отец скривился, словно попробовал что-то отвратительное.

– Его так называют либеральные СМИ.

– Папа, его все так называют.

– Это чтобы сделать его героем.

– Даже Бреннан так его называет.

– Для тебя он мистер Бреннан.

– Нет, для меня он помощник директора, специальный агент, ответственный за оперативно-тактическую группу, воплощение Бога – Бреннан. Он называет этого парня Зеленым Человеком.

– Джим Бреннан молодец. Ты с ним знаком?

– В оперативной группе больше трехсот агентов. Он проводит большие брифинги, а я сижу сзади и стараюсь пукать не слишком громко.

– Стало быть, он не знает, кто ты такой?

– Зачем ты об этом спрашиваешь?

Бармен налил отцу щедрую порцию скотча, и тот, достав из бумажника двадцатку, положил ее на полированную дубовую стойку.

– Я мог бы позвонить.

– Нет, сэр.

– В мире полно людей по фамилии Смит. Он захотел бы узнать...

– Ты уже сделал свою карьеру. Позволь мне сделать свою.

Его отец кивнул и посмотрел на часы.

– Ну что ж, давай. А мне скоро ложиться. Рано утром я уезжаю.

– Мама говорила, что ты хочешь повидаться со старым другом.

– С Биллом Монро, если ты его помнишь. Из Митчелл-Виллидж.

– Конечно, помню. Он организовывал дурацкие рождественские вечеринки, где одевался Санта-Клаусом, а вы с мамой напивались пуншем из бурбона.

– Вечеринка окончена. У него прогрессирующий рак простаты. Я хочу попрощаться.

– Мне жаль это слышать.

– Итак, у тебя есть мотив?

Том взглянул на часы. Ему казалось, что он сдерживает себя уже с полчаса, но на самом деле прошло только пять минут.

– Ты о чем?

– О долбаном Зеленом.

Крафтовое пиво оказалось слишком сладким и пришлось Тому не по вкусу, но он все равно сделал большой глоток.

– Либеральные СМИ говорят, что он активист-эколог, который хочет привлечь внимание к тому, как мы разрушаем собственную планету, – начал он.

– И ты купился на это?

– Послушай, я знаю, что ты с этим не согласен, но я не работаю с мотивом, – осторожно сказал Том. – То, что я делаю, в основном связано с обработкой данных, чтобы найти систему.

---

⁵ Выдающиеся американские боксеры 1960–1970-х годов.

И если ты позволишь этим данным заговорить, один предвзятый мотив может ввести в заблуждение. Я не собираюсь навязывать свое мнение и объяснять свой подход. Просто я знаю, что по этому вопросу у нас есть расхождения.

– Значит, тебе не нужно беспокоиться о мотиве? – Отец допил скотч и поставил стакан на стойку. – Или, может, на самом деле ты просто боишься думать об этом? – Том понял, что разговор почти закончен и старик готовится нанести самый гнусный удар. – Ты ведь им восхищаешься, правда?

– Зеленым Человеком?

– Зеленым Фонарем. Суперменом. Бэтменом. Зеленым Человеком. Для тебя он супергерой.

– Это чрезвычайно оскорбительно и к тому же неправда.

– Вы с сестрой всегда любили обниматься с деревьями. Разве ты не хочешь спасти мир?

– Он убил тридцать одного человека. В том числе пятерых детей.

– Спасти мир куда важнее. Цель оправдывает средства, не так ли? Если тебе придется убить пятерых детей для спасения планеты, разве оно того не стоит? Да ладно, мы оба знаем, что ты с ним согласен. Ведь ты выходил на улицы, чтобы маршрутировать за зеленое то и зеленое это. Так что Зеленый воюет на твоей стороне, и хорошо это делает.

– Хочу пожелать тебе спокойной ночи, папа. Завтра тебе нужно рано выезжать в Митчелл-Виллидж...

Том хотел было встать, но на его плечо легла тяжелая рука отца, и старик заговорил приглушенным, доверительным тоном, чего Том ни разу не слышал раньше:

– Я этого никогда никому не говорил, но в глубине души мы всегда восхищаемся ими. Мы за ними охотимся, мы их ненавидим, но они делают некие запретные вещи, которые на каком-то уровне мы сами мечтаем сделать и выйти сухими из воды. Они умнее нас до того дня, пока мы их не арестуем, и живут веселее нас, и если бы у нас не было чуточку их темной стороны, мы не смогли бы их понять и даже, может, не смогли бы их поймать. Верно?

Несколько секунд Том молчал. Он был удивлен глубиной и искренностью признания отца.

– Хорошо, хорошо, – наконец согласился он. – Думаю, что в каком-то смысле я восхищаюсь его целями, даже если...

– Я тебя разыграл, – сказал старик, очень довольный собой. – Ты думаешь, я восхищался серийными убийцами и подонками-насильниками, за которыми охотился? Этот конский навоз произносят агенты ФБР в плохих фильмах. Я ни в малейшей степени не хотел быть похожим на них. Никогда. Ни на секунду. Но теперь мы выяснили, что ты восхищаешься человеком, за которым охотишься, и только по этой причине тебе никогда его не поймать.

Рука Тома сжала стакан с пивом.

– Я поймаю его, – тихо проговорил он.

– Почему ты не пошел в Кремниевую долину, Том? Ты ведь проходил собеседования. Ты учился в лучших заведениях. Ты мог бы иметь большие деньги.

– У меня все в порядке. Пап, мне пора.

– Допей свое пиво. Ты сделал это для того, чтобы уважить меня? Потому что мне недолго осталось?

– Нет, это просто нелепо.

– Ты чертовски прав, это нелепо. Потому что – если быть предельно откровенным – тебя никогда не интересовало то, чем я занимаюсь. А теперь уже слишком поздно. Живи своей жизнью.

Том сбросил руку отца со своего плеча и встал с ним лицом к лицу.

– Все это не ради уважения к тебе. Но, может быть, я работаю там по той же причине, что и ты. Чтобы ловить плохих парней. Это ведь семейный бизнес, не так ли? Дедушка Вик. Дядя

Уилл. Ты. А теперь и я. И *он* определенно из плохих парней. Невозможно оправдать убийство невинных, какой бы ни была конечная цель.

Его отец тоже встал. Они были почти одного роста, но старик все еще оставался чуть выше.

– Да, я полагаю, это семейный бизнес. Спокойной ночи, Том. Время от времени ходи на свидания, старайся потрахаться и сделай свою мать счастливой.

Но Том уже смотрел мимо него в экран телевизора, где третий раунд схватки ММА был прерван экстренным сообщением. Он увидел кадры с залитой лунным светом рекой, петляющей по темному горному ущелью, с разрушенной плотиной и эвакуацией людей в машинах скорой помощи и на вертолетах. Том взглянул на часы, а затем снова на экран.

– Это он.

Старик повернулся к телевизору.

– Зеленый Человек? Откуда ты знаешь?

– Плотины на реке Снейк – идеальная мишень для экологического терроризма. Они мешают нересту лосося, и к ним много лет предъявляют судебные иски. Это важные элементы инфраструктуры, но они еще и глубоко символичны – что-то подобное он и ищет.

– Ты посмотрел на часы, – сказал отец. – Он всегда наносит удар в одно и то же время?

– Нет, не в одно и то же.

– Но время имеет какое-то значение? Нет ли в этом его особенности?

– Я не могу об этом говорить, – сказал Том.

– Ты не можешь говорить об этом со мной? – повторил отец, и в его голосе послышалась ярость. – Что, черт возьми, это значит? Что я не могу держать рот на замке? Послушай, ты, маленький засранец...

Но Том уже не замечал его. Взобравшись на барную стойку, он вручную прибавил громкость, слушая, как диктор сообщает о взрыве и первых жертвах и о том, что семья из шестерых человек утонула, отдыхая в плавучем доме, находившемся на водохранилище ниже по течению, включая четырех маленьких детей.

Глава 3

– Взрывчатое вещество было точно доставлено большим квадрокоптером к нижней секции плотины Бун, которая, по мнению наших экспертов, является критически важной. Суперквалифицированный инженер-строитель в свой самый удачный день не смог бы выбрать лучшего места. – Бреннан сделал паузу, чтобы плотнуть кофе, а затем обвел взглядом зал, где на складных стульях сидели триста агентов, многие из которых делали записи в ноутбуках. В полутемном зале экраны бросали бледно-голубой отсвет на лица людей, делая их похожими на армию троллей. – Арочные плотины, подобные плотине Бун, – продолжил Бреннан, – изогнуты таким образом, что гидростатическое давление реки, оказывая влияние на арку, фактически ее укрепляет. Но если воздействовать на нее определенным образом, то данная точка концентрации напряжений создаст потенциальный недостаток прочности конструкции, и Зеленый Человек идеально это использовал.

Многие из вас знают – и это не общедоступная информация, – что он согласует время своих атак с так называемыми экологическими часами судного дня, которыми управляет радикальная экологическая группа, базирующаяся в Швеции. Эстерсундские⁶ часы якобы учитывают множество факторов, включая глобальное потепление, а также отсчитывают время до того момента, который в группе называют «полночью», когда ущерб для нашей планеты станет необратимым. Сейчас их установили на двадцать три тридцать, и взрыв на плотине Бун *точно* соответствовал эквивалентному времени часового пояса в горах Айдахо.

На большом экране позади Бреннана появились слайды, показывающие то, что осталось от плотины, и он почувствовал реакцию в зале и даже услышал сдавленные возгласы: одно дело было услышать подробности, совсем другое – увидеть разрушения на два миллиарда долларов.

– Другими словами, он профессионально выбрал цель, тщательно ее исследовал, каким-то образом сумев сохранить это в тайне, и попал в яблочко именно тогда, когда хотел, секунда в секунду.

Армия троллей почувствовала гнев их лидера, и напряжение в зале усилилось.

– Мы подозреваем использование пластичной взрывчатки – вероятно, «Семтекса». Судя по масштабам нанесенного ущерба, ее было более восьми килограммов. Чрезвычайно трудно создать квадрокоптер, способный нести настолько тяжелую нагрузку и при этом летать с такой точностью.

На экране появились фотографии, на которых можно было разглядеть несколько крошечных черных осколков, извлеченных из бетона или выловленных из водохранилища.

– До сих пор найдено лишь несколько фрагментов дрона. Он оснащен тем, что наши взрывотехники называют головкой самоуничтожения.

Основной заряд пластичного взрывчатого вещества вывел дамбу из строя, но был и значительно меньший заряд, предназначенный для разрушения самого квадрокоптера, взрывного устройства и всех следов взрывчатки. У каждого изготовителя бомб есть собственный почерк, но головка самоуничтожения ликвидировала все, что мы могли бы узнать о Зеленом Человеке. Как и в предыдущих пяти инцидентах, отпечатанное им письмо пришло по почте в одно из крупных новостных изданий сегодня утром. В нем он обратился к выпускающему редактору, взяв на себя ответственность за нападение и объясняя его причины. Отправляя письма, он каждый раз менял адресата и город, и сейчас это были Манхэттен и «Нью-Йорк Таймс». Поскольку письмо уже взорвало интернет, вы сможете найти и прочитать его в открытом доступе. По причинам, в которые я не могу вдаваться, мы уверены, что это Зеленый Человек. Письмо написано в том же логичном, продуманном стиле, что и все остальные, и излагает его доводы в

---

⁶ Эстерсунд – город в центральной Швеции. – Прим. ред.

пользу взрыва плотины и вывод о том, что, учитывая экологические угрозы нашей планете, активное сопротивление не только оправданно, но и является нравственным обязательством. Наши криминалисты изучают оттиск письма, шрифт и бумагу, так что, возможно, в этот раз мы добьемся прорыва, хотя в пяти других случаях не смогли получить результата. Как и в предыдущих письмах, в конце автор приносит извинения за то, что он называет «трагическими сопутствующими человеческими жертвами».

Хриплый голос Бреннана смягчился, как бывало всегда, когда он говорил о жертвах.

– Трое рабочих компании «Айдахо пауэр энд гас» погибли на месте, еще двое сотрудников плотины находятся в критическом состоянии. Взрыв повредил дамбу настолько, что давлением реки Снейк ее пробило насквозь. Поток хлынувшей в водохранилище воды вниз по течению были перевернуты два плавучих дома, и находившиеся в них семьи утонули. Сейчас общее число погибших составляет двенадцать человек, но, как ожидается, оно возрастет. По предварительным оценкам, ущерб составил более двух миллиардов долларов. Река Снейк в каньоне Бун возобновила свое природное течение.

Бреннан взмахнул рукой, и потолочные светильники зажглись на полную мощность.

– На месте работают семьдесят наших агентов, а также более двух тысяч человек из полиции штата и службы безопасности аэропортов, отслеживая каждую зацепку. В настоящее время эта охота носит общенациональный характер и является беспрецедентной по числу агентов и вспомогательных следователей, а также по совокупности и разнообразию задействованного в ней экспертного опыта. Но в результате он снова нанес удар и сумел уйти. Вопросы? Дополнения?

В первом ряду с места поднялся высокий темнокожий агент.

– Сэр, судя по точности, с которой был наведен квадрокоптер, Зеленый Человек занял удобное место для наблюдения. Он должен был располагаться достаточно близко и иметь прямой обзор низовой стороны плотины.

– Там находится более тридцати холмов и утесов, которые дали бы ему такую возможность, – ответил Бреннан. – Группы криминалистов уже прочесывают их, но пока ничего не нашли. В основном это скалы, не сохраняющие отпечатков, к тому же есть основания полагать, что он надевает специальную одежду и обувь и тщательно следит за тем, чтобы не оставлять никаких следов. Дейл?

Со своего места поднялся широкоплечий мужчина в брюках цвета хаки и синей куртке.

– Плотина Бун – один из слабо защищенных объектов, отслеживаемых нами со спутника. Разве он не оставил бы тепловизионное изображение и разве передатчик дрона не послал бы тепловой шлейф?

– Спутник пролетал непосредственно над плотинной, но наша аппаратура ничего не зафиксировала. Он нашел способ как-то это замаскировать. Ханна? Какие данные вы можете нам сообщить?

Среднего возраста азиатка встала, заговорив неожиданно зычным голосом:

– Эта часть северного Айдахо – исключительно сельская местность. Горстка аэропортов. Всего несколько межрегиональных автострад. После того как он нанес удар, ему пришлось выбираться как можно быстрее. Мы можем получить снимки, сделанные в первые часы после взрыва, с камер в аэропортах, на автозаправках, пунктах сбора платежей за проезд...

– Он никогда бы не поехал по межрегиональной автостраде, – раздался голос откуда-то сзади. Бреннан предостерегающе поднял руку. Он был крупным мужчиной, и его высоко поднятая ладонь была похожа на перчатку игрока в бейсболе.

– Вы, кто только что заговорил вне очереди. Встаньте.

Все присутствующие повернулись, чтобы посмотреть на худого, как жердь, похожего на студента долговязого молодого человека с всклокоченными черными волосами, который неловко поднялся с места в самом дальнем ряду.

– Я вас не узнаю. Как вас зовут?

– Том Смит, сэр.

– Я к вам обращался, агент Смит?

– Нет, сэр.

– Агент Ли задала какой-то вопрос?

– Да, сэр. То есть не совсем задала вопрос, но она говорила, сэр.

– Ну, теперь заговорили вы. Так что давайте, продолжайте.

– Я не хотел никого обидеть, сэр, но Зеленый Человек не ездит по автомагистралям. По крайней мере, когда он выполняет свою задачу. Он никогда бы так не сделал. Он не использует аэропорты. Вероятно, он возит с собой топливо.

– Вы что, экстрасенс, агент Смит?

– Как, сэр?

– Вы ясновидящий?

В зале послышались смешки.

– Нет, сэр. Но я...

– Это плохо. Так как, если бы вы были ясновидящим, нам не пришлось бы принимать меры предосторожности и кропотливо собирать информацию, которая в конце концов обеспечит нам прорыв. Садитесь и держите себя в руках. Ханна, у нас есть уже тысячи снимков, о которых вы говорили, но если мы что-то упустили, пожалуйста, дайте мне знать.

– Да, сэр, – сказала она и села.

– На этом все, – объявил Бреннан. – Средства массовой информации уже готовят из этого спектакль, и несколько новостных агентств и веб-сайтов близки к тому, чтобы прославить террориста за массовое убийство. Они отмечают, что это поможет вернуть тихоокеанского лосося, и лишь вскользь упоминают о том, что Зеленым Человеком были убиты две семьи. Их имена пока не разглашаются, но они мне известны.

Бреннан шагнул вперед, и его голос стал почти неслышным:

– Семья Терри из Бойсе. Фред Терри, его жена Сьюзен и их шестилетний Сэм, найденный утонувшим в его полосатой пижаме. И семья Шетли из Ривертон. Джек, врач, и его жена Мэри, которая работала в пожарной охране. А также их четверо детей, включая старшего, тринадцатилетнего Энди, который на своей странице в «Фейсбуке» написал, что хочет быть героем-спасателем, как его мама. Вот так. А теперь идите и поймайте этого ублюдка!

Том положил ноутбук в сумку и встал, стараясь ни с кем не встречаться взглядом. «Эй, ясновидец! – послышался насмешливый шепот за его спиной, но он не обернулся. – „Редскинз“ выиграют в эти выходные? Скажи мне счет!» Рядом засмеялись. Не поднимая головы, Том направился к ближайшему выходу.

Кто-то встал у него на пути и произнес повелительным тоном:

– Агент Смит! – Это был не вопрос.

Подняв глаза, Том увидел афроамериканца с именем Грант, который задавал вопрос из первого ряда.

– Да?

– Начальник группы Бреннан хочет вас видеть.

– Конечно, – сказал Том. – А когда он...

– Сейчас же.

Глава 4

Вслед за высоким агентом Том покинул зал и, пройдя длинным коридором, вышел на улицу в бодрящее вашингтонское утро. У тротуара стоял сверкающий черный седан.

– На заднее сиденье, – указал ему Грант. – На вашем месте я бы держал рот на замке.

Глубоко вдохнув холодный октябрьский воздух, Том открыл заднюю дверь и забрался в машину. Откинувшись на кожаном сиденье, Бреннан проверял мобильный телефон, поедая семечки из бумажного коричневого пакета. Это был крупный мужчина в возрасте около семидесяти лет, ростом под два метра и весом около ста тридцати килограммов. Он расположился в ленивой, расслабленной позе, занимая большую часть просторного заднего сиденья седана. Не сделав никакого приветственного жеста, он бросил водителю: «Поехали, Дон!» – и машина влилась в движение. Том молча ждал, пока начальник, глядя сквозь очки для чтения, закончит набирать сообщение и отправит его. В конце концов тот опустил телефон и взглянул на Тома.

– Вы пытаетесь погубить свою карьеру, еще не начав?

– Нет, сэр.

– Вы знаете, кто такая Ханна Ли?

– Только понаслышке. Я с ней никогда не встречался, но слышал, что она суперпрофессионал.

– Она занимается тем, чем должны заниматься вы, но делает это уже пятнадцать лет, и вам очень повезет, если вы сумеете достигнуть хотя бы половину того, чего достигла она.

– Я не хотел оскорбить ее или вас, сэр.

– Меня вы не оскорбили, но меня бесит, когда на моих совещаниях люди говорят вне очереди. Что касается Ханны, то у нее хорошая память и острые локти, и она ваш прямой начальник. На вашем месте я бы извинился. Вы умеете быть почтительным?

– Если это необходимо.

– Тогда будьте почтительным и покорным.

Том посмотрел на него и кивнул:

– Да, сэр.

Здоровяк раздавил семечку зубами, и это немного напоминало то, как кит поедает планктон.

– Том Смит? Не слишком запоминающееся имя.

– Да, сэр. То есть я хочу сказать, что я его не выбирал, сэр.

– Я когда-то знал Уоррена Смита.

Том внутренне напрягся, но ничего не сказал.

– Он во многих отношениях тяжелый человек, но едва ли не лучший опер из тех, с кем я работал, а работал я с тысячами. Вы имеете к нему какое-то отношение?

Том колебался, но было ясно, что Бреннан все знает.

– Я просил отца не обращаться к вам.

– Почему вы думаете, что он это сделал?

– Потому что я просил его этого не делать. Я также предполагаю, что он просил вас не говорить мне, что он вам звонил.

Бреннан слегка улыбнулся.

– Я никогда не раскрываю источники разведанных. Я хорошо представляю, что Уоррен, вероятно, не самый приятный отец в мире. Но у него сверхъестественная интуиция, и он всегда говорил мне правду, а эти два качества я высоко ценю. Посмотрим, сможете ли вы продолжить эту семейную традицию. Итак, что именно вы так сильно хотели сказать, что влезли сегодня без очереди?

Том почувствовал запах жареных семечек.

– Не нужно быть ясновидящим, чтобы понять, что вы преследуете того, кто принимает необходимые меры предосторожности.

– Да, но как и почему он их принимает? Не тяните, Том. Ваш отец всегда говорил без обиняков, и я уверен, что вы это знаете лучше, чем кто-либо другой.

– Ясно, что Зеленый Человек отлично знает все ваши методы. И если вы продолжите поиск способами, которые он может легко предугадать, то вы, вероятно, никогда его не поймаете.

– И откуда он может знать нашу тактику? Вы думаете, что он агент ФБР?

– Или же работает в какой-то другой сфере правоохранительных органов. А может, просто смотрит слишком много криминальных сериалов по телевизору.

– Фанатов «Закона и порядка» очень много. У нас есть довольно неплохие результаты их поимки, независимо от того, что они смотрят, читают или находят в интернете. Фактически, чем больше они уверены в том, что понимают, как мы работаем, тем легче их поймать.

– Вы не взяли бы Унабомбера, если бы его не сдал брат. Этот парень гораздо хитрее, чем Унабомбер. За два года он атаковал шесть раз, присылая вам свои оправдания, но вы до сих пор ничего о нем не знаете. Простите за прямоту, сэр.

Перемолов зубами несколько семян, Бреннан проглотил их с кислой гримасой.

– Вы действительно напоминаете мне своего отца. Вряд ли кто-то из аналитиков, только что закончивших аспирантуру, осмелился бы заявить мне, что я ничего не знаю.

Его мобильник запищал, и Бреннан, посмотрев на экран, коротко сказал:

– Дон, в Палату представителей через пять минут.

Убрав телефон, он продолжил:

– У меня есть триста умнейших и самых квалифицированных агентов, которые активно занимаются поиском, и еще тысячи им помогают. Вы действительно считаете, что мы его не поймаем?

Теперь его темные сверкающие глаза были устремлены на Тома, но тот выдержал этот тяжелый взгляд.

– Он выбирает и исследует свои объекты способами, которых вы не понимаете и по этой причине не можете их предвидеть. Выбрав их, он тщательно планирует свои операции и сам изготавливает взрывчатку. Этот человек имеет обширные знания методов криминалистики и сбора данных, так что он не собирается оставлять возле цели следов или тепловых шлейфов, покупать бензин по кредитной карточке или совершать другие глупые поступки. Он взаимодействует с вами на своих условиях и отправляет эти письма, не давая никаких ключей к разгадке его личности. Он отказывается от более тесных контактов, чтобы ваши эксперты-психологи не раскрыли его. И если вы продолжите поиск, используя прежние методы, не думаю, что можно будет ожидать изменений, если только...

– Если он проявит беспечность или нам повезет?

– Рано или поздно что-то пойдет не так или Зеленый Человек оступится и допустит ошибку. Но прежде могут пройти годы. А может, он просто решит, что пора остановиться, или умрет естественной смертью. Либо уйдет на пенсию и отправится во Флориду играть в гольф, и в таком случае вы его никогда не поймаете.

Наступило молчание, и лишь с ближайшей стройки доносился звук отбойного молотка.

– Если мне не изменяет память, – сказал Бреннан, стараясь перекричать уличный шум, – ваш отец вышел на пенсию и уехал во Флориду играть в гольф.

– Я не имел в виду своего отца.

– Очень даже имели. Вы описали психологический портрет нашего злодея и выбрали две характеристики, которые точно соответствуют ситуации с вашим отцом.

Взглянув на него, Том тихо сказал:

– Возможно, вы правы. Так или и иначе, я вырос в Виргинии и Флориде, но как-то не очень полюбил гольф.

Бреннан кивнул.

– Я понял. Но раз уж мы косвенно заговорили о вашем отце и его звонке – которого не было, – так вот, он не упоминал о вашей биографии. Информатика в Стэнфорде. Аспирантура в Калифорнийском технологическом университете. Обычно мы не встречаем здесь таких парней, Том. Они отправляются в Кремниевую долину, и «Гугл» или «Майкрософт» платят им в пять раз больше, чем может заплатить дядя Сэм. Так какого черта вы здесь делаете? Работаете за гроши?

– Ловить плохих парней – наш семейный бизнес.

Бреннан понимающе улыбнулся и посмотрел на часы.

– Ладно, Том Смит, вы весьма прямолинейно высказались о том, что мы делаем неправильно. Полагаю, вы размышляли о том, что бы вы изменили, чтобы поймать именно этого плохого парня?

– Немного, сэр. Но я знаю, что вы занимались его делом гораздо дольше меня. И не хочу лишний раз трепать языком. В прошлый раз у меня это вышло не слишком удачно.

– Полигон развернут, и я приказываю вам открыть огонь. У вас меньше четырех минут. Подобные шансы выпадают не слишком часто, так что на вашем месте я бы постарался сделать свой лучший выстрел.

Том отметил, что седан катит вверх по Капитолийскому холму – здание Палаты представителей было уже совсем рядом. Неожиданный цейтнот заставил его с трудом упорядочить мысли, и первые несколько слов Том произнес мучительно медленно:

– Как я уже заметил, он проделал замечательную работу, чтобы держаться на шаг впереди вас и ни разу не засветиться. Вы можете использовать тот факт, что Зеленый Человек раскрыл ваши методы, как его слабую сторону.

– Говорите яснее, Том. В этом его сила, а не слабость.

– Вы можете сделать это своим преимуществом. Понятно, что он отлично знает, как именно вы за ним охотитесь, и предпринимает соответствующие меры, чтобы избежать столкновения с вами. Но, совершая эти шаги, он становится уязвимым, так как устанавливает новые – предсказуемые – комбинации данных. – Том почувствовал, что расслабился и заговорил немного быстрее. – Если он обычно присутствует в интернете, но исчезает на время своих операций; если он регулярно пользуется мобильным телефоном, но отключает его во время атак; если он предпочитает автострады, но внезапно его машина перестает оставлять следы, так как он использует проселочные дороги, – мы можем работать с этим. Намеренное уклонение от создания полезной информации – само по себе информация. Если вы ищете кого-то, кто не оставляет отпечатки пальцев, прекратите искать отпечатки пальцев и ищите того, кто носит перчатки.

– Это легче сказать, чем сделать, – проворчал Бреннан, но теперь он слушал более внимательно.

– Послушайте, я знаю, что виды поиска данных широкого спектра, которые я предлагаю, могут граничить с доступом к частной информации, защищенной законодательством о личных свободах. ЦРУ или Министерству внутренней безопасности, возможно, удастся проводить подобные поиски, чтобы поймать международного террориста, но сотрудники правоохранительных органов не могут это делать для поиска преступников в нашей стране.

– Не я устанавливаю эти законы, – напомнил ему Бреннан. – У вас осталась одна минута. Что-нибудь еще? Стреляйте, Том, я вижу, вы колеблетесь. Что вы боитесь мне сказать?

Том сделал глубокий вдох и выпалил:

– Психологический портрет, составленный вашими профайлерами, никуда не годится.

Бреннану это не понравилось.

– Работу экспертов-психологов всегда легко критиковать, но они имеют пятидесятилетний опыт, причем довольно успешный. Лучшие зарубежные правоохранительные органы приезжают учиться у наших специалистов.

– Эти полвека демонстрируют вот что, сэр. В основном это устаревшие стереотипы, касающиеся серийных убийц-социопатов и массовых убийц – озлобленных извращенцев-одиночек. Вы приписываете Зеленому Человеку все те же шаблонные мотивы мести и жажды власти. Ваш психологический портрет не учитывает ни одного из тех факторов, благодаря которым этот случай является таким уникальным. Зеленого Человека нельзя назвать хладнокровным психопатом или чудаком-одиночкой.

– Он убил тридцать трех человек. Потрудитесь объяснить мне, почему же он не может быть хладнокровным психопатом.

– Потому что это дело отличается от других. Потому что можно найти аргументы в пользу того, что его действия оправданны и даже необходимы. В своих письмах он неплохо справляется с этим. Не сотни, не тысячи, а миллионы людей верят в его цели, если не в его методы. Это может означать, что Зеленый Человек способен продолжать делать то, что делает, поскольку он не один. Возможно, именно так он и отправляет письма из разных городов в момент проведения атаки.

– Мы рассматривали возможность того, что у него есть сообщник или партнер. Это называется диадой. Но есть также несколько способов, к которым он мог прибегнуть, чтобы сделать это самому.

– Я знаю, что такое диада, и говорю не о единственном сообщнике. Он мог бы работать с небольшой, но разветвленной структурой поддержки, которая помогает ему изучать объекты и скрывать свои передвижения. Этим можно объяснить тот факт, что его так трудно выследить.

Бреннан покачал головой.

– Число сообщников более двух человек – это невероятно. Это противоречит буквально всему, что мы выяснили в ходе расследования подобных дел.

– Я как раз и пытаюсь сказать вам, что *подобных* дел не существует. Если у него есть несколько человек, которые ему помогают, они смогут полностью сбить вас с толку. И это также аннулирует все ваши предположения о том, что он психопат-одиночка.

– Вы действительно считаете, что он может быть в здравом уме и внушать такого рода привязанность?

– Абсолютно, – ответил Том. – Он может быть чутким, вдумчивым, эмоциональным и хорошо воспитанным человеком. Преданный семьянин, уважаемый в своей общине. Возможно, преуспевающий ученый, которого обожают студенты. Вы должны учитывать, что, по всей видимости, его действиями руководит не озлобление или жажда власти, не извращенная, неудовлетворенная сексуальность, но искренняя любовь к человечеству и высочайший альтруизм. У Зеленого Человека есть цель, которая, как он считает, оправдывает его экстремальные действия. Так говорится в его письмах, и, возможно, нам следует поверить ему на слово.

Бреннан внимательно слушал, и ему не нравилось то, что он слышал.

– Так что бы вы сделали, чтобы поймать этот образец добродетели?

– Ну, для начала, когда речь идет о его квалификации, вам придется стать менее политкорректным и немного более элитарным.

– Пусть будет сколько угодно элитарности, парень из Стэнфорда. У вас еще двадцать секунд.

Видя пролетающие мимо правительственные здания, Том затараторил:

– Вы упомянули, что самый опытный инженер не мог бы выбрать лучшего места на плотине Бун. Диверсия на нефтепроводе, взрывы на «Мэйфилд кемикал», нападение на ядерный энергетический комплекс, разрушение лаборатории нанотехнологий и потопление яхты быв-

шего министра природных ресурсов демонстрируют почти профессиональные знания в области строительной инженерии, химической технологии и компьютерной техники.

– В нашем психологическом портрете указано, что он может являться квалифицированным инженером.

– Зеленый Человек не просто инженер, а гениальный инженер, способный работать в различных дисциплинах и предположительно получивший элитное образование. Скорее всего, он обучался в одном из наших лучших университетов. Не забывайте, что Унабомбер – выпускник Гарварда.

– А Тед Банди⁷ с айкью гения поступил в Пьюджет-Саунд. Не уверен, что меня это убеждает. Между прочим, я учился в Государственном университете штата Пенсильвания. В «Лигу плюща»⁸ он не входил, но тем не менее у меня все в порядке.

– Я вовсе не хотел проявить неуважение. Я имел в виду...

– Вы проявляете необъективность, проецируя собственные достижения. Это известная ошибка при составлении психологического портрета. – Бреннан повернулся к водителю. – Дон, к боковому входу.

Машина свернула с Индепенденс-авеню на Саут-Кэпитал-стрит.

– Тед Банди никогда не отличался техническими способностями, – заметил Том. – Он обладал шармом и природным умом, но то, что сделал Зеленый Человек, требует совершенной профессиональной подготовки. Готов также поспорить, что он действительно в здравом уме, хорошо воспитан и является отличным работником, но он верит – и не без веских оснований, – что без его насильственных действий мы разрушим нашу планету. Он пытается спасти Землю единственно известным ему путем.

Лимузин плавно остановился перед мраморным административным зданием. Бреннан бросил на Тома любопытный испытующий взгляд.

– Иногда вы говорите как член его фан-клуба.

– Нет, сэр. Я хочу поймать этого мерзавца не меньше, чем вы.

– Сомневаюсь, – произнес Бреннан, – но я подумаю о том, что вы сказали. Сейчас ваша задача состоит в том, чтобы извиниться перед Ханной и съесть немного дерьма.

– Покорно и почтительно. Спасибо, что открыли для меня полигон. – Прежде чем продолжить, Том помолчал. – Лучше бы мой отец не звонил вам, но я понимаю, что начинающий специалист по аналитике редко имеет шанс раскрыть рот на заднем сиденье вашего седана.

Бреннан надел пиджак.

– Дон подбросит вас, куда захотите.

– Я могу поехать на метро.

– Сынок, когда тебе предлагают в холодный день прокатиться в теплой машине, лучше согласиться.

Водитель открыл дверцу, и Бреннан начал протискиваться наружу. Здоровяк уже вытаскивал одну ногу наружу, когда его телефон снова пискнул. Он взглянул на экран, внимательно прочитал сообщение, медленно втянул в себя воздух, а затем снова забрался в машину и закрыл дверь. Он посмотрел на Тома, и его скрипучий голос вдруг опустился почти до шепота:

– Том, мне действительно очень жаль.

Том недоуменно посмотрел на него.

– Что вы имеете в виду, сэр?

Бреннан протянул руку и опустил свою большую ладонь ему на плечо.

– Он был сложным человеком, но я его любил, и я уверен, что в глубине души и ты тоже.

---

⁷ Американский серийный убийца, насильник, похититель людей и некрофил, действовавший в 1970-е годы.

⁸ Ассоциация восьми частных университетов, расположенных в семи штатах США. Название происходит от побегов плюща, обвивающих их старые здания. Университеты, входящие в лигу, отличаются высоким качеством образования. – *Прим. ред.*

Глава 5

Полицейская машина замигала ему огнями в начале одиннадцатого утра, когда двухполосная дорога обходила маленький городок в Небраске. Зеленый Человек вел машину уже одиннадцать часов подряд, слушая новости о разрушении плотины. Он избегал межрегиональных автострад, поскольку там могли быть камеры, фиксирующие номерные знаки, но на местных дорогах его поджидали свои опасности. Мужчина был уверен, что не пропустил знак остановки и не проехал на красный свет. Даже после долгой ночи за рулем он не мог допустить подобных ошибок.

Выключив радио, он свернул на обочину и посмотрел в зеркало заднего вида. Это был молодой коп, который ехал один, и он уже вышел из своей машины и приближался к нему, что было очень хорошо. Если бы он остановился, чтобы проверить номерной знак, или это сделал бы его напарник, Зеленый Человек был бы вынужден действовать. Немного наклонившись, чтобы опустить окно, он почувствовал вес заряженного пистолета в правом кармане пиджака. Он почти наверняка знал, что ему придется сделать, но отчаянно этого не хотел.

Полицейский неторопливо подошел к черному автофургону. Ему было около двадцати с небольшим – вежливому провинциальному мальчику с коротко стриженными волосами. По стрижке и походке Зеленый Человек догадался, что тот недавно уволился со службы. Молодой коп улыбнулся.

- Доброе утро.
- Доброе утро, офицер.
- Знаете, почему я вас притормозил?
- Извините, не знаю.
- У вас не работает правый стоп-сигнал.

У Зеленого Человека было несколько секунд, чтобы оценить всю иронию сложившейся ситуации. Он тщательно планировал эту операцию в течение нескольких месяцев. Изготовил сложнейший квадрокоптер и бомбу, чего не смог бы сделать ни один инженер из сотни; тайно, хотя и не без некоторой помощи, изучил плотину, никого не выдав; принял невероятные меры предосторожности, чтобы замаскировать свою личность в ходе поездки почти в две тысячи километров. И, наконец, быстро и с ювелирной точностью нанес удар. Все прошло безупречно. Но крошечная лампочка непредсказуемо перегорела или отсоединилась, поставив все под угрозу.

Неработающий задний фонарь был наказуемым правонарушением, и, если дело дойдет до этого, у него не останется выбора. Они были одни на удаленном участке дороги. Его пистолет и пули не отслеживались. Единственный выстрел в середину лба, и у него будет час-другой, чтобы обратиться отсюда, пока не найдут мертвого копа.

– Мне очень жаль это слышать, – сказал Зеленый Человек. – Должно быть, он только что перегорел. Или там отошел какой-нибудь провод. Я попал на ухаб в Вайоминге. – Во рту у него пересохло, но все же он смог засмеяться. – Словно переехал «Гранд-Титон»⁹.

– Ну да, такое случается. – Парень кивнул. – Вот что я вам скажу. Я не буду составлять протокол. Почините его как можно скорее.

– Конечно, – ответил Зеленый Человек. – В ближайшей мастерской. И спасибо. Я вам очень благодарен.

«А теперь отпусти меня, – взмолился он про себя. – Спаси свою жизнь и проживи еще полсотни лет. Женись на какой-нибудь деревенской девчонке, заведи детей, внуков и закончи свои дни в восемьдесят лет в собственной постели. Только отпусти меня».

⁹ Национальный парк, на территории которого расположен горный хребет Титон.

Но молодой коп все еще улыбался.

– Я вижу, у вас мичиганский номер. Далеко же вы заехали.

– Как-нибудь приезжайте посмотреть Великие озера, – улыбнулся Зеленый Человек.

– Было бы неплохо. – Коп кивнул. – Что привело вас в Дестри?

– Просто проезжал мимо.

– Большинство людей ездит по автостраде.

– Люблю посмотреть места, мимо которых проезжаю.

– Правда? – удивился молодой коп. – На трассе номер пятьдесят пять мало интересного.

На что же вы здесь смотрите?

– Я немного занимаюсь живописью. Мне нравятся оттенки этих холмов.

– Никогда не замечал.

– Ну да, я тоже не обращаю особого внимания на Великие озера, – проговорил Зеленый Человек с очередным смешком, который на этот раз, застряв в его горле, получился сухим и натужным.

«А теперь отпусти меня. Прошу тебя, Господи, не продолжай это».

Но полицейский сделал шаг вперед и внимательно посмотрел на Зеленого Человека из-под козырька черной кепки.

– Так куда вы направлялись сегодня утром?

– Я просто немного порыбачил, а теперь еду домой.

– До самого Мичигана?

– Ну да, у меня впереди еще долгий путь.

– Разве в Великих озерах нет рыбы?

– Есть, и даже крупная, но я свое уже выловил. С форелью Кларка ничто не сравнится.

– Я и не знал. Для ловли рыбы мне не хватает терпения. Могу я взглянуть на ваше водительское удостоверение и регистрацию?

Зеленый Человек поднял на него глаза.

– Конечно. Регистрация у меня в бардачке. Не возражаете, если я достану?

– Доставайте, – сказал полицейский. – А потом можете ехать домой. Мы получили ориентировку, что должны проверять всех, кого остановим, из-за этой плотины. Осторожность не помешает.

– Да, не помешает, – согласился Зеленый Человек, и его правая рука потянулась к рукоятке пистолета. Ему придется застрелить либо копа, либо себя. Если он приставит пистолет к своей голове, то также выстрелит и в собственную семью. Его дети будут страдать долгие годы и, скорее всего, непоправимо. К тому же, несмотря на все меры предосторожности, Шэррон, одной из двух женщин, которых он когда-либо любил за всю свою жизнь, будет очень трудно доказать, что она не была соучастницей. Для него это будет легкий выход, но ей придется принять удар на себя. И все, что он пытался сделать для мира, все, что привел в движение, вся та чудесная энергия, которая накапливалась с каждой атакой, – все кончится. Так что остается только одно, даже если это будет отвратительно. Указательным пальцем правой руки он коснулся спускового крючка и уже собирался поднять пистолет, как вдруг загремела музыка кантри – хор голосов пел какую-то дурацкую песню о любви и разлуке, и мужчине потребовалось полсекунды, чтобы сообразить, что это рингтон на мобильнике копа. Тот поднес телефон к уху.

– Да, Нэнси, что там такое?

Человек ждал, затаив дыхание. Полицейский нахмурился.

– Скажи Мейбл, чтобы она не пыталась ее снять. Даже если ей это удастся, та ее поцарапает. Скажи, что я уже еду и буду через десять минут.

Парень убрал мобильник и усмехнулся Зеленому Человеку.

– Чертова кошка раз в неделю забирается на одно и то же pekanовое дерево.

- Вообще-то я собачник, – улыбнулся тот в ответ, по-прежнему держа указательный палец на спусковом крючке. – Кажется, вам нужно поскорее туда попасть.
- Да, мне нужно поторопиться, – согласился молодой коп, поворачиваясь к своей машине. – Только не забудьте поскорее починить стоп-сигнал.
- Как только смогу, – пообещал Зеленый Человек. – Да, и удачи вам с кошкой.

Глава 6

Эллен проснулась под выпуск новостей о взрыве на плотине Бун и немедленно запрятала это известие в дальний уголок сознания, действуя по своему обычному утреннему распорядку.

Она высадила Джули возле Академии Карлайла, провела в Колумбийском университете утренний семинар по экологически чистым энергоносителям, встретила с двумя аспирантами, а затем в своем кабинете переоделась в спортивный костюм и отправилась на пробежку в направлении Зеленого центра. Только оказавшись на крутых и извилистых тропинках Морнингсайд-парка, она позволила себе остановиться и втайне возликовать.

День выдался прохладным, и на тротуарах Гарлема было немногочисленно. Она бежала через бульвар Малкольма Икса, стараясь преодолеть все пять километров за полчаса, энергично работая руками и ногами, чтобы не терять темп. Пробежка была частью ее утреннего распорядка, и Эллен понимала, что, занимаясь повседневной рутинной работой, она легче достигнет эмоционального равновесия, так необходимого ей для того, чтобы держать свои чувства под контролем.

Он поразил еще одну цель – дерзко, блестяще, талантливо – и снова сумел уйти. Таким образом, то, что телеведущие называли «беспрецедентной общенациональной охотой», по-видимому, не давало никаких результатов. Она понимала, что для Зеленого Человека самый опасный период был уже позади и с каждой минутой этот риск становился все меньше.

Эллен могла позволить себе выглядеть взволнованной, так как весь ее маленький мир экоактивистов гудел, но, находясь рядом с ними, она должна была радоваться так же безлично, как и все остальные, – их таинственный герой, их безымянный, но любимый крестоносец ради спасения человечества нанес еще один смелый удар.

Но пока Эллен бежала, она видела перед собой молодое, красивое, полное решимости лицо, всплывшее из глубины подавленных воспоминаний. У него была застенчивая, но обаятельная улыбка, и он носил сдвинутую набок бейсболку Йельского университета, зеленую футболку и джинсы. Она слышала его звучный и резкий голос, который произносил яркую речь, посвященную санкционированным федеральными властями лесозаготовкам в национальных лесных заказниках. Она помнила обращенный на нее взгляд его блестящих, сексуальных карих глаз. Чувствовала объятие его сильных рук, прикосновение его мягких, пытливых губ. Эллен отбросила воспоминания и ускорила бег.

Нет, он давно ушел. Умер и похоронен. На его похоронах она произнесла надгробную речь и под конец разрыдалась. Эллен рванула вперед, ее локти заработали, словно поршни, отгоняя призрак. Она мчалась через 137-ю улицу с такой ожесточенной яростью, что поворачивающая машина едва не сбила ее, а водитель прокричал из окна: «Смотри, куда бежишь, черт побери!»

Зеленый центр располагался в пятиэтажном доме из бурого песчаника, где во времена сухого закона нелегально торговали спиртными напитками. Когда экологи нашли его, дом находился в полном запустении и был предназначен под снос, но с помощью спонсора из хеджевого фонда его реконструировали с нуля, и теперь он выглядел просто великолепно.

Ее впустила Ванда, и Эллен ступила на полированный дубовый пол, ощутив жаркое уютное тепло. В большом камине потрескивал огонь, и дымный воздух был пропитан ароматом курящегося шалфея и йоговского чая, который кто-то готовил на кухне. Обычно здесь царила по-домашнему расслабленная хипповская атмосфера, но сегодня утром настроение было далеко от спокойного – с первых минут Эллен окружил тот возбужденный хаос, который обычно наполнял центр экологического движения во время празднования Международного дня Матери-Земли.

Расхаживая по коридору с мобильником в руке, Ричард давал интервью какому-то ведущему изданию, крича в телефон, что он, конечно, сожалеет о гибели людей на плотине, но что действительно имело значение, так это то, о чем заявил сам Зеленый Человек: «наш моральный долг заключается в том, чтобы действовать, пока не поздно».

– Мы ведем ожесточенную битву за спасение нашей Земли, и единственный способ ее выиграть ведет к разрушению собственности и, как это ни трагично, нескольким жертвам. У вас есть собственные дети? Вы чертовски правы – это касается лично меня. Все, что он пытается сделать, – дать вашим детям шанс прожить свои восемьдесят лет на неистощенной планете, какой ее оставили в наследство наши с вами предки.

Джози, руководившая программами работы с населением, собрала вокруг своего стола несколько молодых сотрудников, где с экрана компьютера на них смотрело лицо Зеленого Человека, созданное воображением художника. Понимая важность существования «портрета» как объединяющего символа, а также, разумеется, его роль в сборе средств, «Гринпис» вынес изображение на главную страницу. Гринписовцы не оправдывали действий Зеленого Человека, но демонстрировали миру весьма человечное лицо. Таким образом, он выглядел сильным и в то же время добрым, чем-то средним между Христом и молодым Бобом Диланом¹⁰.

– Что ты об этом думаешь? – позвала Джози Эллен, когда та проходила мимо. – Они гребут деньги лопатой. Нам тоже нужен сексуальный образ.

– По-моему, это не Зеленый Человек, – покачала головой Эллен. – Она моложе, темнокожая и спортивная.

– Думаю, Зеленый Человек или Зеленая Леди сексуальнее всего без лица, – сказал один из исследователей. – Оставьте это на волю воображения.

– Ни в коем случае. На этом рисунке у него мечтательный взгляд, – заметила молодая латиноамериканка-стажер с колечком в носу. – На это я обращаю внимание в первую очередь. Душа всегда отражается во взгляде.

– Это же не сайт знакомств, – возразила Эллен. – В пять часов мы собираемся в конференц-зале. Обязательно приходите все.

Она поднялась по лестнице на второй этаж и направилась вдоль длинного коридора мимо дверей кабинетов. Ее торопливые шаги гулко стучали по половицам. Луис сидел в своем офисе с распахнутой дверью и что-то изучал в своем мобильном телефоне, положив на стол ноги в чулках. Сквозь дырку в правом чулке проглядывал большой палец. Когда Эллен проходила мимо, Луис помахал ей рукой. Он был активистом экологического движения около пятидесяти лет, и его жидкая седая борода и добрые глаза придавали ему сходство одновременно с Джоном Мьюром¹¹ и Санта-Клаусом. В его кабинете хранились две памятные фотографии. На одной из них двадцатилетний Луис был запечатлен на первом праздновании Дня Земли в 1970 году в Филадельфии в компании таких знаменитостей, как Эдмунд Маски, Ральф Нэyder и Аллен Гинсберг¹². На второй Рейчел Карсон¹³ вручала ему первое издание «Безмолвной весны» со своим автографом, и оно занимало теперь почетное место на полке за его столом.

– Его еще не поймали? – поинтересовалась Эллен, глядя, как он сосредоточенно уставился в экран телефона. Ей не нужно было пытаться сдерживать беспокойство в голосе – никто в Центре не хотел, чтобы Зеленого Человека поймали.

– Не-а. Они перекрыли большую часть Айдахо, но он давно ушел.

– Дай-ка я угадаю – наши пожертвования растут?

---

¹⁰ Автор и исполнитель фолк-музыки.

¹¹ Натуралист XIX века, автор идеи о создании в США национальных парков.

¹² Эдмунд Маски – американский политик, сенатор от штата Мэн; Ральф Нэyder – основатель движения потребителей; Аллен Гинсберг – американский журналист и поэт.

¹³ Рейчел Карсон – биолог, писательница, участник экологического движения, по ее инициативе было запрещено использование таких пестицидов, как ДДТ.

– Супергерои очень полезны для сбора средств, – радостно сказал Луис. – Люди просто швыряются в нас деньгами. Видео с разрушением плотины собрало на ютьюбе три миллиона просмотров, и, похоже, каждый раз, когда его кто-то смотрит, нам отправляют пять долларов. Он Зеленый Человек, мы Зеленый центр – может, они видят в этом какую-то связь. Ну что ж, да здравствует зеленый. У нас будет потрясающий бюджет.

– В пять часов мы собираемся внизу. Что ты там читаешь?

Луис поднял телефон так, чтобы она смогла увидеть снимки плотины.

– Клуб «Сьерра»¹⁴ прислал великолепный обзорный материал о проблемах на реке Снейк, – пояснил он. – Все началось с того, что в 1901 году была возведена первая плотина Сван-Фолс. Затем там описываются четырнадцать других построек, а также та, которая только что рухнула, и объясняется, каким образом они мешают нересту лосося и вызывают все эти юридические проблемы. Они не могли состряпать это сегодня утром – должно быть, они держали материал под спудом и очень удачно вытащили. Или, может, Зеленый Человек намекнул им, где собирается нанести удар, – предположил Луис, хитро улыбаясь.

– Уверена, что ФБР проверит такую вероятность, – сказала ему Эллен и направилась в свой угловой офис.

Там она быстро переделалась, сменив кроссовки и спортивный костюм на удобные джинсы, шерстяной свитер и мокасины. За запертой дверью кабинета она просмотрела главные новости. Письмо Зеленого Человека о плотине Бун оставалось самой читаемой новостью в интернете, а сам он все еще пребывал свободен и вне подозрений. На пути к выходу Эллен остановилась, чтобы собраться с духом. Она знала: ей предстоит схватка.

Более сорока сотрудников Центра ждали ее в главном конференц-зале – от самого молодого восемнадцатилетнего стажера, героически сражавшегося с прыщами, до элегантной восьмидесятилетней секретарши Ванды Уэбстер, которая медленно вошла в зал, тяжело опираясь на трость из красного дерева.

– Всем привет! – крикнула Эллен. – Вольно.

Это была давнишняя шутка. Они всегда вели себя непринужденно – пили чайный гриб, развалившись на местах у окна и в креслах-мешках, в то время как Ванда плавно покачивалась взад-вперед, сидя у эркерного окна в своем старом кресле-качалке.

– Вы все уже знаете, что Зеленый Человек прошлой ночью снова нанес удар, взорвав плотину в Айдахо. Судя по всему, он благополучно ушел.

Послышались аплодисменты и восторженное скандирование «давай, Зеленый Человек, вперед!». Подождав несколько секунд, Эллен подняла руку, призывая к тишине.

– Хорошо, именно об этом мы и хотели здесь поговорить. Лично я не могу сказать, что совсем не согласна с такой реакцией, – призналась она.

– Но? – перебил ее Ричард, понимая, к чему идет дело.

– Но... – отозвалась Эллен и окинула взглядом лица присутствующих. Многих из них она знала не один десяток лет. – Конечно, каждый из вас как личность имеет право на собственные чувства, но сейчас мы достигли точки, когда должны реагировать на то, что происходит, как организация – мы больше не можем хранить молчание. В конце концов, у нас с ним общее имя. – Эллен в сотый раз спросила себя, почему из всех броских названий экологических организаций национальная пресса выбрала именно «Зеленого Человека».

– «Гринпис» такой же «зеленый», как и мы, и они даже сделали Зеленого Человека своим «лицом», – возразила Джози. – И кстати, их пожертвования возросли на триста процентов.

– Я никогда не сравнивала нас с другими организациями, – ответила Эллен. – И мы здесь не ради денег. Я основала этот Центр, чтобы идти своим путем и делать собственный выбор, и

---

¹⁴ Природоохранная общественная организация, первым президентом которой был вышеупомянутый Джон Мьюр.

именно этих принципов я старалась держаться, являясь вашим директором. Всю свою жизнь я осуждала насилие.

– А как насчет насилия над озоновым слоем? – выкрикнул Ричард. – Убийства коралловых рифов? Изнасилования тропических лесов?

В зале послышался гул одобрения.

– Это действительно определенного рода насилие... – начала Эллен.

– Ты чертовски права! – горячо перебил ее Ричард. – Это война, и мы ее проигрываем. И я говорю не только о тропических лесах и рифах. Так о чем же в действительности идет речь? О нашем будущем! – Его голос звенел от ярости. – У меня осталось всего лет тридцать, так что я, возможно, успею уйти вовремя. Но здесь есть молодые люди, которым придется иметь дело с необратимо поврежденной и, в конечном счете, обреченной планетой, и мне жаль их. Однако мы продолжаем избирать президентов, отрицающих изменение климата, и назначаем министрами внутренних дел миллиардеров, поддерживающих их позорный образ жизни и исполняющих волю ненасытных корпораций, потроша все охраняемые меры, за которые мы так упорно сражались. Этот улюлюк Эллмор получил то, что заслужил.

– Ричард... – Эллен попыталась его остановить.

Но коротышка с козлиной бородкой кипел от негодования, а присутствующие одобрителем кивали.

– Эллен, мы не просто проигрываем эту войну, мы ее почти проиграли. Но вот появляется тот, кто говорит нам: «Хватит, еще есть время. Давайте спасать планету, пока не поздно». У него есть мозги и мужество, чтобы нанести ответный удар и вдохновить целое поколение. Так что же, теперь мы собираемся осудить его за то, что он сражается за убеждения, в которые мы верим?

Эллен пропустила его гневный вопрос и подождала, пока стихнут аплодисменты, следовавшие за ним. Затем она заговорила – тихо, но очень твердо:

– Меня всегда восхищала твоя страсть, Ричард, но я тебя выслушала, и теперь твоя очередь выслушать меня. Я росла в Теннесси – черная девочка, дочь матери-одиночки, которая убиралась в домах белых богачей и имела все основания быть недовольной. Она участвовала в маршах Мартина Лютера Кинга и плакала, когда его убили. Она научила меня верить в него, и мы сидели вместе и читали все, что он написал, точно так же, как некоторые мои друзья и их родители изучали Священное Писание. – Эллен замолчала, вспомнив о том, какой измученной выглядела ее мать, когда добиралась домой после пятнадцатичасового рабочего дня. – Через двадцать лет после марша в Мемфисе¹⁵ моя мать все еще чистила туалеты богатых белых, а мы кое-как перебивались на продовольственных талонах. Когда мне исполнилось шестнадцать, я влюбилась в совсем другого героя – защитника гражданских прав, в честь которого назван бульвар в ста метрах отсюда. Я просиживала ночи напролет за просмотром в интернете его прошлых выступлений. Он был сексуальным и страстным, и, что самое важное, он был готов дать отпор. Его призыв к действию показался мне верным. Мартин Лютер Кинг, мечта¹⁶, словно находился во сне, но, когда мне было шестнадцать, Малколм Икс вполне бодрствовал и сказал именно то, что мне нужно услышать. – Эллен сделала паузу, отметив про себя, что несколько молодых стажеров самого разного происхождения внимательно наблюдали за ней. – «Действуй сейчас. Начинай с ними бороться». Поэтому я отправилась в Беркли, туда, где работали Бобби Сил и Хьюи Ньютон¹⁷, и нашла собственный путь, и во время учебы в колледже делала некоторые вещи, которыми я теперь не горжусь. Я была там, когда «Земля прежде всего!» вбивала

---

¹⁵ Марш бастующих работников санитарно-гигиенических служб в 1968 году, где в их поддержку в последний раз выступил Кинг. – *Прим. ред.*

¹⁶ «У меня есть мечта» – название самой известной речи Кинга. – *Прим. ред.*

¹⁷ Соучредители радикальной партии «Черная пантера».

гвозди в стволы деревьев, чтобы при попытке спилить их цепные пилы отскакивали, отрезая лесорубам руки. И я вскидывала кулак и потрясала им, охваченная справедливым гневом. И конечно, это было восхитительно. – Эллиен на миг остановила взгляд на величественном лице Ванды Уэбстер, раскачивающейся в кресле у окна. – Моя мать умерла, когда я училась в аспирантуре, и только после ее смерти я постепенно поняла, что она всегда была права. Я прочитала Ганди и Торо¹⁸ и постепенно пришла к пониманию того, что ненасильственное сопротивление – это не только самый нравственный, но, безусловно, и самый эффективный путь как для движения за гражданские права шестидесятых годов, так и для тех экологических битв, которые мы ведем сейчас, буквально сегодня.

Эллиен встретила взглядом с Ричардом, сидящим в другом конце зала.

– Ты совершенно прав, Ричард, – продолжила она, – мы ведем отчаянную борьбу за спасение нашей планеты. Мы проиграли несколько крупных сражений, но на нашей стороне наука. На нашей стороне молодежь. Но самое главное, за нами моральное превосходство. И именно поэтому мы победим, как победили Ганди и Мартин Лютер Кинг. Но мы не можем отказаться от наших нравственных высот. Насилие всегда несправедливо. Бомбы и пули – это не способ добиться перемен. Убийство невинных людей – всегда убийство, и оно абсолютно не оправданно.

– Уильяма Элмора едва ли можно назвать невинным... – начал было возражать Ричард. Но теперь уже Эллиен его перебила:

– Когда яхта министра природных ресурсов Элмора пошла ко дну, вместе с ней утонула и его пятилетняя внучка. Это убийство ребенка, здесь не о чем спорить. Мы не можем одобрять или оправдывать того, кто совершает подобные вещи. И для нас как для организации было бы аморально на них спекулировать, негласно одобряя или храня молчание. Пока я возглавляю эту организацию, мы больше не будем так делать. Я консультировалась с советом директоров по этому поводу. Мы станем одной из первых экологических организаций, которая со всей ответственностью выступит против действий Зеленого Человека. Если ты не согласен, Ричард, убеждай в своей правоте правление – может быть, меня уволят.

– Так ты хочешь, чтобы Зеленого Человека поймали? – крикнул тот в бешенстве.

– Нет, я не хочу, чтобы его поймали. Но я хочу, чтобы он остановился, – ответила Эллиен. – Это моя позиция, и с настоящего момента это станет позицией нашего Центра. Зеленый Человек должен прекратить свою деятельность. Он атаковал шесть раз, и нельзя отрицать, что он многого добился, не нанеся ущерба окружающей среде ни в одном из своих нападений. Он гальванизировал зеленое движение в стране и за рубежом. Он красноречиво обосновал свою позицию в публичных письмах. Он инициировал общенациональные дебаты о необходимости действовать и вдохновил молодежь стать активной. Он помог хорошим людям собрать много денег на достойные цели. Он привлек внимание к ряду глобальных экологических проблем окружающей среды. Если он сейчас остановится, то навсегда останется противоречивым героем, достигшим серьезных целей. Если будет продолжать, то разрушит все важное, что до сих пор сделал. Поскольку – знаете, что произойдет так же точно, как то, что я здесь стою?

Теперь они были в ее руках – и это всегда являлось одной из сильных сторон Эллиен – она умела внушить людям реальные чувства; сейчас это был ее собственный настоящий страх перед тем, что Зеленый Человек будет пойман.

– Если он пойдет дальше, до него доберутся. Неважно, насколько он умен, неважно, насколько осторожен, – они его выследят. А потом отправят под суд, такого, каким он является, с бородавками и всем прочим. И уж давайте не будем себя обманывать, это будет похоже

---

¹⁸ Торо, Генри Дэвид (1817–1862) – философ, писатель, один из основателей американской литературы. Призывал во всем надеяться на собственные силы и искать утешение в любви к природе.

на древнеримский триумф, когда ФБР выведет его в кандалах под телекамеры. Вы хотите это увидеть? Я не хочу.

Ванда перестала раскачиваться. Луис, все это время занимавшийся штопкой, замер с иглками на коленях. Все смотрели на Эллен, замороженные глубокой страстью в ее голосе, вторящей кипящему гневу Ричарда, говорившего несколько минут назад.

– Вы хотите знать, что Супермен – всего лишь скромный репортер Кларк Кент? Что Бэтмен – на самом деле богатый и избалованный магнат, у которого есть дворецкий? Что Унабомбер был всего лишь бородатым чудачком, живущим среди лесов в жалкой лачуге? А кто такой Зеленый Человек? Вы хотите, чтобы его разоблачили как слабое и несовершенное существо – такое же слабое и несовершенное, как вы и я? Если вы действительно восхищаетесь им, то должны вместе со мной и нашей организацией осудить его методы – не цели – и убедить его остановиться. Легенда, созданная Зеленым Человеком, гораздо значительнее всего, что он может сделать еще одним или двумя взрывами. Пусть он навсегда останется тем, кто он есть сейчас, – легендой, загадкой, призывом к действию, – но не человеком.

Она замолчала и окинула взглядом зал. Аплодисментов не было, но некоторые из слушателей смотрели на Эллен так, будто она убедила их или, по крайней мере, заставила задуматься. Ричард и кое-кто из его молодых коллег, находившихся под его влиянием, выглядели огорченными.

– Я знаю, что некоторые из вас испытывают по этому поводу очень сильные чувства, и я хочу дать вам шанс излить их без моего присутствия, – сказала им Эллен. – Благодарю за то, что выслушали меня. Думаю, вы знаете, как я люблю это место и как уважаю всех вас.

Она вернулась в свой офис, заперла дверь и проверила новости. Общенациональная охота на Зеленого Человека продолжалась, и это означало, что он все еще на свободе и находится вне подозрений. Она просмотрела в интернете самые популярные материалы. Письмо о плотине Бун, которое прочитали и ретвитнули более пятнадцати миллионов раз, стало мировой сенсацией. Во всем мире, от Франции до Китая, усиливали охрану крупнейших плотин.

Эллен испытала такой прилив гордости и страха, что ей пришлось опереться на стол обеими руками, чтобы не упасть. Она едва не плакала, но все же ей удалось подавить сильные эмоции, как она делала уже много раз. Она вспомнила, как двумя ночами ранее, превозмогая безжалостный холод, морось и завывающий ветер, спешила во мгле к почтовому ящику в безлюдном месте в Мидтауне, недалеко от порта, чтобы бросить туда письмо, адресованное редактору новостей «Нью-Йорк Таймс». Ее правая рука в черной эластичной перчатке, мелко тряслась. Перчатке, которую Зеленый Человек велел ей надеть, а потом сжечь.

Глава 7

Вслед за одетой в белый лабораторный халат миниатюрной азиаткой, служительницей морга, Том прошел в смотровую комнату. Она провела его в небольшое помещение без окон с двумя стоявшими возле стола деревянными стульями.

На столе ничего не было, кроме лежавшей лицевой стороной вниз папки с зажимом.

Закрыв дверь, служительница мягко сказала:

– Приношу глубокие соболезнования по поводу вашей утраты, мистер Смит. Позвольте мне рассказать, что вам предстоит увидеть. В наши дни мы осуществляем идентификацию ближайших родственников почти исключительно посредством фотографий. Фотография усопшего находится в этой папке. Когда вы перевернете ее, то просто увидите его лицо, и должна предупредить вас, что поскольку он погиб в автокатастрофе, то получил серьезные травмы. Но черты лица опознаваемы, и вы сможете узнать близкого вам человека. У вас есть какие-нибудь вопросы?

– Нет, – сказал Том. В ушах стоял глухой рев, словно он находился у моря.

– Вы хотите, чтобы я осталась с вами, или предпочитаете посмотреть снимок один?

– Если можно, дайте мне минуту.

– Я буду рядом, – тихо проговорила она, а затем вышла из комнаты и закрыла за собой дверь.

С потолка свисала единственная квадратная люминесцентная лампа, белели голые стены. «Вот так все и закончилось», – только и смог подумать Том. После двадцатипятилетних попыток полюбить своего отца или хотя бы стать ближе к нему все свелось к этой маленькой комнате без окон и фотографии десять на пятнадцать. Он наклонился и перевернул папку.

Глаза отца были закрыты, и знакомые черты выглядели жесткими и безжизненными. Голубая больничная простыня обрамляла его израненное лицо. Том сидел неподвижно, не издавая ни звука и не проронив ни слезинки. Он не испытывал ничего, кроме острого осознания полного бесчувствия, что было по-своему чрезвычайно болезненно. Он знал, что полиция в курсе насчет машины, которая резко свернула с шоссе, пробив ограждение и скатившись по насыпи в рощу. Когда они приехали, его отец был уже мертв. Все признаки указывали на обширный инфаркт, и по дороге в больницу Бреннан заметил, что, вероятно, последним сознательным действием Уоррена Смита стало то, что он смог увести свою арендованную машину подальше от других автомобилистов, тем самым добавив еще несколько жизней к числу тех, кого он спас во время долгой службы в полиции и ФБР.

Том поймал себя на том, что ищет теплые воспоминания, чтобы цепляться за эти моменты и смаковать их, чувствуя, что сейчас ему это очень нужно. Много раз они вместе отмечали дни рождения, ездили на рыбалку и занимались спортом – особенно в детстве. И даже когда Том был уже подростком и их отношения становились все более напряженными, доходя порой до вспышек ярости и насилия со стороны отца, тот учил его завязывать галстук, ориентироваться в лесу и наносить хук справа. Но теперь, сидя на твердом деревянном стуле под слабо жужжащим люминесцентным светильником, Том ощущал полную пустоту. Все, что он мог сейчас вспомнить, – это повторяющийся снова и снова конец их последнего разговора, состоявшегося десять часов назад в баре отеля, когда отец назвал его маленьким засранцем и ушел прочь, в то время как Том смотрел новости о разрушении дамбы.

В дверь постучали.

– Мистер Смит, я могу войти?

Он снова повернул папку лицевой стороной вниз и произнес:

– Да, конечно.

Служительница морга открыла дверь.

– Не хочу вас торопить, но...

– Нет, все в порядке, – сказал он. – И да – это мой отец, Уоррен Смит.

Она села и протянула ему ручку и несколько бланков. Том подписывал их, не читая, и машинально отвечал на ее вопросы, иногда отмечая, что ей следует урегулировать пару моментов с его матерью во Флориде. Все указывало на сердечный приступ, но мать должна была решить, необходимо ли вскрытие. Отец будет похоронен в Бока-Ратон, где он купил место на кладбище, и Том позаботится о том, чтобы перевезти его тело туда. Нет, он не нуждается в разговоре с психоаналитиком или в совместной молитве со священником какого-либо вероисповедания. Да, он уверен, что в состоянии доехать до дома.

Бреннан мерил шагами общую приемную больницы, когда Том вышел из морга. Здоровьяк взволнованно говорил по мобильному телефону, но заметив Тома, поспешил свернуть разговор, прокричав в трубку:

– И близко не подпускайте туда так называемых местных экспертов! Поставьте сверху большую палатку и охраняйте ее ценой жизни. Мой самолет вылетает из Даллеса¹⁹ через четыре часа. Позаботьтесь о том, чтобы в Бойсе меня ожидала машина. – Отсоединившись, он повернулся к Тому. – Возможно, в деле произошел прорыв.

Тому понадобилась секунда, чтобы сосредоточиться.

– Вы имеете в виду Зеленого Человека?

– Полицейская собака уловила его запах на скальном выступе над плотиной и прошла за ним несколько миль до того места, где он, очевидно, разбил лагерь. Там обнаружены следы шин и слабый отпечаток палатки. Но прости – сейчас явно не тот момент, когда тебе хочется это слушать.

– Я хочу это услышать, – возразил Том. – Есть свидетели или снимки?

– Пока ничего определенного. Он останавливался один в пустынном и уединенном месте. Но нам не стоит говорить об этом сейчас. – Бреннан замолчал, опустив голову. – По твоему лицу я вижу, что это был Уоррен, и приношу соболезнования. Я знаю, что такое опознание в морге. Это всегда тяжело.

– Тут уж ничего не поделаешь, – произнес Том. – Отец знал, что ему осталось недолго. И что же, действительно ничего не нашли, кроме нескольких отпечатков шин?

Бреннан колебался, стоит ли ему продолжать разговор о сегодняшних находках, но новая информация не выходила у него из головы.

– Самое важное для нас прямо сейчас – сохранить участок полностью неприкосновенным, пока я не соберу там нужных людей. Местные эксперты в таких ситуациях, действуя из лучших побуждений, губят все на корню. Моя команда уже в пути, и я сам туда отправляюсь. А ты, как я понимаю, летишь сейчас во Флориду?

– Я вылетаю в Форт-Лодердейл через три часа. – Том выдержал паузу, а после продолжил: – Если только я не смогу вам пригодиться в Айдахо. Да, я выпускник элитарного Стэнфорда, но хочу, чтобы вы знали, что я не брезгую черной работой. Я даже готов приносить кофе.

Бреннан усмехнулся.

– Приятно слышать – люблю выпить чашечку горячего кофе. – Он надолго задумался. – И все-таки поезжай во Флориду и похорони отца.

– Мы оба понимаем, что Уоррен хотел бы, чтобы я принял участие в этой охоте, – настаивал Том.

– В этом нет никаких сомнений. У тебя есть братья или сестры?

– Старшая сестра. У нее было еще больше проблем с отцом, чем у меня.

– Тогда поезжай домой, попрощайся и побудь с мамой. Ты вылетаешь из Даллеса?

– Да, сэр.

---

¹⁹ Аэропорт имени Даллеса в Вашингтоне.

– Тогда я могу подбросить тебя в аэропорт, – предложил Бреннан. – И у нас есть время перекусить на скорую руку. Терпеть не могу еду в самолете, а по дороге есть неплохая заку- сочная.

– Спасибо, но я не очень голоден. И потом, я вижу, как вы сейчас заняты. Я вызову машину и сам доберусь до аэропорта.

– Если ты хочешь остаться наедине со своими воспоминаниями, я отнесусь к этому с уважением, – сказал ему Бреннан. – Но я проработал с твоим отцом много лет. И самое малое, что я могу сделать в такой день, как этот, – угостить его сына обедом. Ну же, Том. Никогда не отказывайся от поездки в холодный день.

Невероятно, но через пятнадцать минут Том оказался в шумной закуской, уминая чиз-бургер, в то время как Бреннан с энтузиазмом поглощал сандвич с фрикадельками, рассуждая о том, что Тому не стоит беспокоиться об арендованной отцом машине, которая была вдре- безги разбита.

– Эти страховые следователи – еще более безжалостные мерзавцы, чем те, кого я мог бы нанять в ФБР. В подобных ситуациях они будут донимать день и ночь, а это последнее, что тебе нужно. Я уже поручил своим людям разобраться с этим самим.

– Вам не стоило этого делать, но все равно спасибо.

Зазвонил телефон Бреннана, и тот живо прижал его к уху.

– Эрл, слава богу, это ты! Ну да, *перекрой там все* по моему приказу. – Выслушав ответ, Бреннан повысил голос: – Меня не волнует, что говорит начальник полиции штата и на какую юрисдикцию они претендуют. Ссылайтесь на меня, скажите им, что мы федеральная оператив- ная группа и, если кто-то появится на участке, это будет истолковано как умышленное про- тиводействие федеральному расследованию, и тогда президент Соединенных Штатов лично упрячет их задницы под замок. Я позвоню тебе из аэропорта. – Он опустил телефон и покачал головой. – Ох уж эти здешние эксперты!

– Вы действительно надеетесь что-нибудь обнаружить на месте стоянки? – поинтересо- вался Том.

– С теми людьми и оборудованием, которые я туда отправляю, у нас есть все шансы.

– Он слишком умен и слишком осторожен, чтобы оставить для вас улики.

– Черт побери, ты такой же пессимист, как и твой отец.

– Не совсем, – сказал Том. – Но я стараюсь.

Бреннан проглотил последний кусок сандвича и отодвинул тарелку.

– Через минуту мы отправляемся в Даллес. Послушай, Том, мне бы очень хотелось рас- сказать тебе, каким белым и пушистым был твой отец и как приятно было с ним работать на протяжении трех десятилетий...

– Я этого и не ожидал, сэр, – тихо проговорил Том. – Я знал Уоррена столько, сколько вы с ним работали, и не могу сказать о нем ничего теплого и пушистого.

Бреннан понимающе кивнул.

– Твой отец был тем, кем был. Человеком старой школы. Трудолюбивым. С острой инту- ицией. Чрезвычайно жестким. Если бы с ним было легче ладить, он смог бы сделать более внушительную карьеру. Но Уоррен не обладал необходимыми для этого навыками общения. Думаю, мы оба знаем, что иногда он мог вести себя как настоящий сукин сын.

– Это он мог, сэр, – согласился Том. – Но у меня есть к вам один вопрос. Боюсь, он может показаться несколько невежливым или даже грубым.

– Сегодня тебе разрешается задать один грубый вопрос, – сказал Бреннан.

– Зачем вы все это делаете? – после паузы спросил Том.

– Что все?

– Вы с моим отцом не были товарищами по оружию, партнерами по гольфу или даже друзьями. Честно говоря, мне кажется, что он даже не слишком вам нравился. Я вас не осуждаю

за это – у меня с ним были свои проблемы. Но почему вы подвозите меня и угощаете обедом в тот день, когда у вас явно есть дела поважнее?

Вопрос вызвал у Бреннана раздражение.

– Почему бы тебе просто не поблагодарить меня за чизбургер?

– Спасибо за чизбургер. Но я хочу понять.

Бреннан встал из-за стола и зашагал прочь. Том решил, что он отправился к машине и больше не вернется, но через тридцать секунд тот появился с горстью мятных леденцов, отправив несколько штук себе в рот.

– Ладно, вот тебе правда, – сказал он. – Я никому не рассказывал об этом, но этот упрямый сукин сын спас мне жизнь.

– Уоррен спас? – спросил Том. – Когда?

– Мы сидели в засаде, тридцать лет назад. Среди ночи. И я заснул. Такое случается с каждым, но никогда не случалось со мной ни до, ни после. Один из парней, за которыми мы охотились, заметив меня, подобрался сзади. У него была пушка, и я, без сомнения, был бы застрелен. Уоррен прикрыл меня и убил его первым. – Бреннан ударил кулаком по столу с такой силой, что подпрыгнула солонка. – И что, черт возьми, я должен был делать после этого? Он никогда никому не говорил, что я заснул, поставив под угрозу всю операцию, так что это осталось между нами. И я никогда не был с ним достаточно близок, чтобы найти способ поблагодарить его или вернуть долг.

– Может, вам и не за что его благодарить, – рискнул Том. – Похоже, он просто делал свое дело...

Бреннан нахмурился, явно чем-то расстроенный.

– Десять лет назад, когда Уоррен уже собирался на пенсию, подвернулась должность, которая могла бы стать для него солидным повышением и прекрасным завершением карьеры. У него было больше способностей, чем у остальных кандидатов, и я должен был сделать выбор. Я отдал эту должность другому. Она включала в себя управление людьми, и я посчитал, что Уоррен просто не сможет руководить большой командой. Но мне было не по себе. Он спас мне жизнь, а я его послал.

– Тогда у нас есть кое-что общее, – тихо проговорил Том. – Он тоже подарил мне жизнь, а я только разочаровал его и так и не нашел способа отблагодарить или вернуть ему долг.

Бреннан махнул рукой официантке, чтобы та принесла счет, а затем устремил на Тома прямой, твердый взгляд.

– Что касается твоего отца, я хочу сказать тебе еще кое-что, а потом нам будет лучше поторопиться, чтобы обоим успеть на самолет. Ты был прав – Уоррен действительно звонил мне тем утром, чтобы поговорить о тебе. Мы проболтали всего две или три минуты, но это был самый личный разговор, который когда-либо состоялся между нами.

Официантка принесла счет, Бреннан выудил из бумажника тридцать долларов и бросил деньги на стол.

– Уоррен достаточно гордился тобой, чтобы сообщить мне о твоих успехах в учебе. Он попросил меня дать тебе шанс продвинуться в этом деле. Это было последним, что он сказал перед тем, как повесить трубку, и единственным одолжением, о котором он когда-либо просил. Каковы были последние слова, которые он сказал тебе?

– Он назвал меня маленьким засранцем.

Бреннан слегка кивнул, погрузившись, и на несколько секунд замолчал.

– Поезжай домой и похорони его со всей любовью, какую только сможешь в себе найти, – тихим, но твердым голосом приказал он Тому. – А потом тебе предстоит принять трудное карьерное решение. Я не контролирую напрямую специалистов по аналитике, поэтому не могу тебе там помочь. Но твой отец обладал исключительным профессиональным чутьем, какого я никогда не встречал, и я всегда могу использовать толкового полевого агента. Если ты захочешь

работать со мной, я смогу предоставить тебе некоторую автономию, возможность нестандартно мыслить и полномочия реализовывать по крайней мере некоторые из своих догадок. И я не буду слишком часто заставлять тебя приносить мне кофе.

Том взглянул на него и быстро все обдумал.

– Уоррен рассказывал вам о моих достижениях в учебе, но упоминал ли он о «Золотых перчатках»?

– Нет, – ответил Бреннан, по-новому взглянув на Тома. – Я знаю, что он был бойцом. Ты занимался боксом?

– Он говорил вам об олимпийской команде по стрельбе?

– В самом деле? – Бреннан вскинул брови.

– Не совсем, – усмехнулся Том. – Он пытался научить меня боксировать, но я отказался.

Мне нравится, когда мои мозги целые. И я с трудом различаю, где спусковой крючок, а где дуло. Я был большим разочарованием для Уоррена как сын и разочарую вас как полевой агент. Я такой, какой есть, сэр, – самодовольный сообразительный ботаник, который действительно разбирается в цифрах.

Бреннан пристально на него посмотрел, пожал плечами и встал.

– Решение за тобой, но я ничего не имею против сообразительных ботаников, и мое предложение остается в силе. В моем окружении хорошие люди, но они слишком вежливы и уважительны. Что-то подсказывает мне, что у тебя такой проблемы нет. Если ты действительно решишь работать со мной, твоя обязанность будет состоять в том, чтобы быть занозой в заднице, мыслить нестандартно и продолжать задавать мне раздражающие вопросы, до которых другие не додумаются или побоятся задать. Думаю, у тебя это неплохо получится. Собственно, ты, вероятно, станешь такой занозой в заднице, что я пожалею об этом. А теперь отправляйся в Боку и позаботься о своих семейных делах.

Глава 8

На главной улице маленького городка, где жил Зеленый Человек, не было никакого движения, а все магазины давно закрылись на ночь. Он проехал светофор, миновал банк и бакалейную лавку и свернул на проселочную дорогу. Дома остались далеко позади, и вскоре он уже ехал через густой темный лес. Ветви старых сахарных кленов сплетались друг с другом над извилистой узкой дорогой. Заметив свой почтовый ящик, он нажал на кнопку пульта дистанционного управления, и железные ворота медленно открылись. Огоньки датчиков движения замигали, когда по длинной подъездной дорожке он направился к дому, показавшемуся среди деревьев, четко вырисовывавшихся на фоне звездного неба.

Он купил этот участок, заинтересованный его близостью к городу и вместе с тем его уединенностью – пять гектаров земли были окружены заповедным лесом. Зеленый Человек сам спроектировал дом и заказал его постройку фирме из Детройта, чтобы детальная информация о нем не стала известна в окрестностях. Дом был большим, но не претенциозным по местным меркам – в фасаде четырехэтажного белого здания, построенного в колониальном стиле, не было ничего примечательного.

Дети приводили школьных друзей порезвиться на травянистом заднем дворе или поплескаться летом в бассейне, а Шэрон в хорошую погоду часто устраивала приемы в просторном патио. Самые внимательные гости иногда обращали внимание на то, насколько низкое здесь энергопотребление и что это «умный дом» – все устройства здесь контролировались компьютером и «разговаривали друг с другом». Но ни один из гостей никогда не допускался на два верхних этажа, а детей держали подальше от хижины без окон, расположенной в роще и называвшейся в семье «охотничьим домиком».

Ким и Гас легли спать несколькими часами раньше, но Шэрон ждала его и слышала, как он въезжает в гараж. К тому времени, когда он выбрался из фургона, она уже выскочила из двери и бежала к нему навстречу. Несколько минут они стояли, обнявшись и не говоря ни слова, и он чувствовал, как она дрожит, прижавшись к нему всем телом. Держа ее в объятиях, он нежно гладил ее по волосам.

– Я тебя люблю, – наконец прошептала Шэрон, и он ощутил ее слезы у себя на щеке. – Я так скучала по тебе, Митч. Добро пожаловать домой.

– Я тоже скучал по тебе, милая, – тихо ответил он, и его хриплый голос дрогнул.

Он был не менее эмоционален, чем она, даже если маскировал это, благодаря давней устоявшейся привычке контролировать все аспекты своего поведения. Он глубоко любил эту женщину, едва ли не с первой минуты, когда впервые увидел ее в Институте искусств в Чикаго. Каждый раз, уезжая на операцию, он думал, что, возможно, в последний раз видит ее и детей, и эта мысль была для него мучительна.

Они вошли в дом рука об руку, и Финн, их стареющий палевый лабрадор, с радостным возбуждением запрыгал вокруг, снова превратившись в буйного жизнерадостного щенка.

– Видишь, кое-кто еще рад, что ты дома, – улыбнулась Шэрон.

Мужчина опустился на колени рядом с верным псом и почесал его за ушами, отчего старый лабрадор едва не упал в обморок.

Шэрон проводила мужа на кухню, где слабо пахло жареной курицей и канадским рисом.

– Что-то подсказывает мне, что ты не останавливался на ужин.

– Надеюсь, что мне повезет и у вас что-нибудь останется.

Пока он ел, она сидела рядом, потягивая красное вино и глядя на него, не отрываясь, словно это было их первым свиданием. И это действительно походило на первое свидание, поскольку, думая о важных и серьезных вещах, они просто болтали о пустяках: она рассказывала об уроках рисования Ким, о футбольной команде Гаса и о том, что в холодильнике намер-

зает чересчур много льда. Зеленый Человек ничего не говорил о своей операции в Айдахо и не расспрашивал ее о последних новостях ФБР, которые Шэрон выискивала в различных источниках, регулярно их проверяя. Они никогда не говорили ни о чем серьезном ниже третьего этажа, даже поздно ночью, когда дети уже крепко спали.

Финн сидел под столом, иногда касаясь хозяйских ног, и мужчина время от времени тайком подбрасывал собаке кусочки жареной курицы. Шэрон не нравилось, что он кормит Финна едой со стола, но, видимо, в этот раз он проделывал это так ловко, что она ничего не замечала, или просто не хотела обращать внимание на его слабость в ночь возвращения домой.

Пользуясь специальной компьютерной программой, они заблокировали входные двери, и Зеленый Человек со своей обычной скрупулезностью проверил, что датчики движения и контроля безопасности включены по всему участку. Они вместе поднялись на второй этаж, и он открыл дверь в комнату Ким. Девочка лежала с двумя большими плюшевыми игрушками – Винни Пухом и Минни Маус, которые ее охраняли. Опустившись на колени, Зеленый Человек легонько поцеловал свою шестилетнюю дочь, и она зашевелилась, слабо улыбувшись во сне.

Выпрямившись, он увидел ее новый рисунок, приклеенный к стене над кроватью. Тот был все еще детским, но Зеленый Человек мог с легкостью узнать на нем одну из лучших подружек дочери. Всю свою жизнь он чертил и рисовал, и ему нравилось видеть, что дочь унаследовала его острый глаз.

Комната Гаса находилась в пяти шагах от спальни сестры, и Зеленый Человек, войдя внутрь, увидел сына, который спал почти поперек кровати, свесив ноги с одной стороны, а голову – с другой. Лицо мальчика было повернуто к столику, стоявшему поблизости, словно он сторожил расставленные там футбольные кубки, которых насчитывалось не меньше десятка. Шэрон осторожно развернула сына и накрыла его одеялом.

Держась за руки, они поднялись на третий этаж, в главную спальню. И только там, активировав еще один уровень безопасности, они заговорили открыто, хоть и вполголоса. Они расспрашивали друг друга почти полчаса – сначала Зеленый Человек подробно рассказывал о каждом моменте проведенной им операции, а Шэрон задавала ему уточняющие вопросы. Она прошла подготовку в качестве судебно-медицинского антрополога и проработала в правоохранительных органах почти десять лет, включая два года службы в отделении ФБР в Чикаго. Она обсудила с ним каждый шаг его операции и проанализировала все его решения и меры предосторожности с исчерпывающей полнотой. Когда он подошел к своей встрече с полицейским в Небраске, она спросила, уверен ли он, что на копе не было видеорегистратора.

– Несомненно, – твердо сказал он. – Я внимательно осмотрел его. Они все еще не очень распространены за пределами больших городов. Нам повезло.

– А с задним фонарем – нет.

– Можно ли было представить, что эта дурацкая лампочка перегорит после такой подготовки? Ладно, милая, теперь твоя очередь.

Он начал с их круга общения. Задавал ли кто-то вопросы, хоть сколько-нибудь подозрительные? Друзья детей и знакомые семьи в городке знали, что он бизнесмен, который часто совершает деловые поездки. Все они явно были удовлетворены – никто не задавал никаких конкретных вопросов ни об этой поездке, ни о том, когда он должен вернуться, ни о том, что он делал. Он часто уезжал из дома лишь для того, чтобы все привыкли к его недельному отсутствию.

Затем Зеленый Человек убедился, что Шэрон замела его следы на тот случай, если найдется кто-то достаточно умный, чтобы искать изменения в стереотипах его поведения. Она заходила в операционную систему, используя его учетные записи, по несколько раз в день. Она расплачивалась его кредитными карточками. Она звонила с его мобильного телефона. И водила семейную автомашину по привычным маршрутам в привычное время. Любой, кто будет искать Зеленого Человека, пытаясь идентифицировать информационный след, связыва-

ющий его с путешествием в Айдахо, останется ни с чем. Любой, кто проверит, находился ли он в сельской местности штата Мичиган, увидит свидетельства его обычного поведения.

Когда разбор операции был закончен, он задал Шэрон вопросы, которых страшился больше всего, уже зная большинство ответов, так как слышал их в новостях по дороге домой. Жертвами его атаки на плотину Бун стали двенадцать человек. Фотографии погибших и информация о них распространились по всему интернету, и, не сомневаясь в том, что он будет на этом настаивать, Шэрон распечатала все, что смогла там найти, а затем положила листы бумаги в нижний ящик письменного стола.

– Посмотри завтра утром, – посоветовала она, – иначе всю ночь не заснешь. А у тебя и без того очень усталый вид.

– Хорошо, – согласился он, – но что эти две семьи делали в плавучих домах? Сезон ведь уже закончился.

– Стояли на редкость теплые дни, и владелец захотел немного подзаработать, поэтому изменил правила, – ответила она. – Это было невозможно предвидеть.

С минуту он сидел неподвижно, а затем прошептал:

– Сколько детей погибло?

Она обняла его и тихо сказала:

– Пять.

– Боже мой!

Она крепче прижала его к себе и поцеловала в висок.

– Ты делаешь то, что должно быть сделано.

– И я мог застрелить этого молодого копа.

– Но не застрелил.

– Шэр, я держал палец на спусковом крючке.

– Но ты сдержался и спас ему жизнь.

– Пятеро детей! – Он не стал добавлять «таких же милых и невинных, как наши собственные», но оба знали, о чем он подумал.

– Другого пути нет, – прошептала она, и ее вера в правильность их действий была даже крепче его собственной. – Прими душ, Митч. Ты сразу почувствуешь себя лучше. – Она поцеловала его снова, на этот раз в губы. – Честно говоря, любовь моя, от тебя воняет.

Он принял обжигающий душ – мощные струи воды из шести сопел хлестали его тело, – и ванная быстро наполнилась паром. Он протер зеркало, чтобы увидеть себя и побриться, наблюдая, как в запотевшем стекле постепенно проясняется его лицо, обретая четкие черты. Темные волосы, начинающие седеть на висках. Глаза, которые могли казаться ореховыми или светло-серыми в зависимости от освещения. Орлиный нос, доставшийся ему от отца и деда. Сильный подбородок, за который тренер Йельской команды по бейсболу дал ему прозвище Зубило, и оно на четыре года прицепилось к нему в Нью-Хейвене. Это лицо когда-то было беззаботным, но теперь на лбу отпечатались выдававшие вечную тревогу морщины, а провалившиеся глаза свидетельствовали об усталости и переживаниях.

Зеленый Человек вошел в спальню, и свет в комнате погас.

– Иди сюда, дорогой, – тихо позвала Шэрон.

Он скользнул к ней, и они поцеловались, прикасаясь друг к другу, а потом занялись любовью, медленно и нежно. Он почувствовал, как его сексуальный голод усилился, и это его не удивило – люди, побывавшие в непосредственной близости от смерти, страстно желают жить. Шэрон обвила руками широкую сильную спину мужа, и он глубоко вошел в нее, на несколько благословенных мгновений избавившись от груза, который нес каждую секунду каждого дня. Они вместе застонали и молча замерли в объятиях друг друга.

Через две минуты она уже спала, и Зеленый Человек лежал, прислушиваясь к ее дыханию. Ему нравилась эта кровать, которую он сам – подобно Одиссею – соорудил из громадного

дуба, росшего когда-то на том самом месте, где они теперь лежали. Он наслаждался запахом лавандового шампуня, которым Шэрон мыла свои каштановые волосы с тех пор, как он встретил ее, тонким ароматом французских духов «Пеони», подаренных им жене в последний День святого Валентина, и едва уловимым запахом красного вина, который еще чувствовался в ее сонном дыхании.

Но, несмотря на огромную усталость, сон так и не шел к нему. Он пролежал два часа, обнимая жену, а затем осторожно высвободился и бесшумно поднялся на ноги. Надев тапочки и халат, он прошел через холл в библиотеку и включил свет.

Здесь было два стола – один для письма и чертежный, с наклонной поверхностью. Почти десять тысяч книг стояло на полках – многие из них описывали экологическую угрозу для диких животных в самых разных уголках мира, а также их исчезающие виды. Горные гориллы и зубастая корюшка, амазонские речные дельфины и южно-китайские панды – все они отчаянно зывали к нему с зеленых полок.

Он слышал их молчаливую мольбу, но все же подошел к письменному столу и выдвинул нижний ящик, достав оттуда несколько листов бумаги, распечатанных для него Шэрон. Двенадцать лиц смотрели прямо на него.

Он сидел в библиотеке наедине с ними. Вглядывался в ясные, невинные глаза детей. Он знал их имена и личную информацию. Всё, чем они были, и всё, чем могли бы стать. Книги, стоящие на полках, словно давили на него всей тяжестью планеты, находящейся под угрозой, пока он изучал лица детей, жизнь которых только что оборвал. Он мучительно думал о Ким и Гесе, которые спокойно спали этажом ниже и проснутся на следующее утро, чтобы приветствовать отца, вернувшегося домой из деловой поездки.

Глава 9

Бреннан добрался до стоянки сразу после рассвета в отвратительном настроении. В самолете сильно трясло, и он смог поспать лишь урывками во время продолжительной ночной поездки из Бойсе. Полчаса назад они свернули с шоссе на гравийную дорогу, которая вскоре превратилась в грунтовую, настолько неровную, что местами полностью исчезала в покрывавших ее камнях и грязи. Более двадцати автомобилей, от машин полиции штата и местных полицейских до внедорожников и трейлеров, были припаркованы возле поворота этой ухабистой грунтовой дороги, и водитель Бреннана тоже остановился там.

Эрл ожидал его в широкополой соломенной шляпе, обгоревший на солнце и тощий, как скелет.

– Думал, ты будешь не раньше чем через час. Похоже, тебе не мешает глотнуть немного кофе.

Бреннан пожал руку костлявому агенту, пытаясь найти на его обветренном лице признаки оптимизма, но ничего не увидел.

– К черту кофе! Лучше сообщи какие-нибудь хорошие новости.

– Жаль, но у меня их нет, – посетовал Эрл, ведя Бреннана мимо двух больших валунов к скрытому ущелью. – Зеленого Человека нельзя назвать неаккуратным. Мы почти ничего не нашли.

На дне ущелья бок о бок стояли пять синих палаток с опущенными занавесками, защищающими от солнца и ветра, и напоминали частные домики на эксклюзивном пляже отеля.

– Он не мог бы подобрать место лучше, чем это, – с невольным восхищением произнес Эрл. – С дороги его палатку не было видно, а эти валуны заслоняли фургон.

– Так это точно был автофургон?

– Это можно предположить по колесной базе, но не более того, – ответил Эрл. – Всего лишь несколько едва заметных борозд на поверхности твердой почвы.

– А что насчет палатки? Он вбивал кольшки?

– Не-а. Готов поспорить, что это была разборная конструкция. Для нас он мало что оставил. Хочешь спуститься вниз?

– Конечно. Через минуту.

Бреннан остановился на краю ущелья и огляделся по сторонам, пытаясь прочувствовать это место, как Зеленый Человек, когда его выбирал. Эрл оказался прав: учитывая близость проселочной дороги, подходящей для быстрого бегства, палатку с автофургоном невозможно было бы укрыть лучше.

– Уединенное место, но ночью здесь холодно, – наконец пробормотал Бреннан. – Возможно, он развел небольшой костер. Я бы сделал именно так. После чего у него возникло искушение приготовить себе что-нибудь горячее.

– Только не у этого парня, – со знанием дела произнес Эрл. – Ни холод, ни отсутствие огня его не пугали. Он приготовил себе еду задолго до того, как сюда попал. Мы взяли массу образцов почвы и не обнаружили даже намека на золу. К тому же либо он хорошо владеет манерами за столом, либо ест, не выходя из фургона. Собаки не нашли даже кусочка чипсов.

– Ну, а где этот сукин сын облегался после своей домашней еды?

– Мы проверили местность в радиусе полумили, и нигде никаких признаков мочи или фекалий. Даже если он глубоко закопал их, собаки бы уже нашли.

– Значит, он носил все с собой и увез отсюда?

Эрл засунул руки в карманы, и под дополнительным весом брюки съехали на пару сантиметров.

– Каждую куриную косточку. Каждую порцию мочи. Все дерьмо.

– Никто не совершенен, – сказал Бреннан. – Давай-ка пойдем вниз.

Они спустились в крутое ущелье, где члены группы пили кофе возле синих палаток. Бреннан поздоровался с каждым по имени и сразу отвел в сторону Тину, ведущего специалиста-кинолога. Это была женщина лет сорока – наполовину индианка из племени чероки с длинными черными волосами и в темных джинсах, гармонирующих с цветом волос.

– Я слышал, что именно вы нашли это место?

– Это все Шеба, сэр, – она, возможно, лучшая ищейка из всех, что у нас были. Она первой взяла след на утесе над плотиной, хотя я готова поклясться, что он обработал ботинки уничтожителем запахов «Сент киллер». Зеленый Человек приехал сюда на небольшом мотоцикле, но она смогла проследить его запах на протяжении двух километров, хотя он ни разу не касался земли. Это просто поразительно, сэр.

– Дайте Шебе лишний кусок баранины, – проворчал Бреннан.

Он подошел к ближайшей палатке и заглянул в прозрачное пластиковое окошко. Три криминалиста в белых комбинезонах «Тайвек» медленно двигались концентрическими кругами, сгорбившись, словно крабы, в положении, которое вряд ли могло быть полезно для их спин. На всех были шлемы с налобными ультрафиолетовыми фонарями.

Следующие шесть часов Бреннан пил чуть теплый кофе и получал донесения об отсутствии каких-либо результатов. На вершине утеса, где Шеба впервые взяла след, не было обнаружено никаких отпечатков рук или ног. Осколки дрона, найденные ранее в Буне, оказались настолько крошечными, раздробленными и вздувшимися от взрыва, что совсем не представляли интереса. Письмо в «Нью-Йорк Таймс» исследовали самыми различными способами в главной лаборатории в Квантико, но оно не раскрыло никаких секретов. Собаки-ищейки продолжали широкими кругами прочесывать область вокруг стоянки и ничего не находили. Внутри синих палаток криминалисты сосредоточенно изучали кусок земли десять на десять метров, просеивая буквально песчинку за песчинкой, и снова безрезультатно.

В полдень Бреннан сидел в одиночестве на краю валуна, лежащего на усыпанном гравием дне ущелья, глядя на окружающие его четырехметровые каменные стены – так же, как, возможно, делал Зеленый Человек, когда разбил здесь палатку. Даже в полдень в ущелье было мрачно, будто в могиле, – казалось, что ты похоронен заживо. Бреннан размышлял о том, каково это – ждать в каменном мешке в дневные и вечерние часы, в одиночестве, обдумывая убийственный акт разрушения? Если Том Смит был прав и Зеленый Человек действительно эмпатичен и способен искренне сожалеть, забирая жизни у невинных людей, то как он провел эти долгие, напряженные часы перед нанесением удара по плотине, общаясь со своими богами? Испытывал ли он тот почти сексуальный восторг, который переживает большинство убийц, собираясь напасть на добычу?

Или дело обстояло совсем иначе? А что, если он сожалел или даже испытывал чувство вины? Может, он боролся с постоянным искушением сдаться и отправиться домой, но его удерживало чувство... чего? Бреннан заставил себя глубже погрузиться в характер, который постепенно создавал в собственном сознании. Им двигало чувство долга. И не просто обязанность действовать, но действовать за тех, кто был не в состоянии это сделать, шагнув навстречу им и всему человечеству. В каждом письме Зеленого Человека была одна фраза, которую он повторял каждый раз: «Мой нравственный долг – действовать во имя человечества, пока не стало слишком поздно».

Эрл осторожно дотронулся до его плеча, Бреннан обернулся и увидел рядом одну из криминалисток – скандинавку с блестящими голубыми глазами. Как же ее звали? Йенсен. Ее длинные светлые волосы были стянуты в тугий пучок, который надежно удерживался двумя пластиковыми шапочками. С убранными волосами, в белом костюме «Тайвек» и шлеме с налобным фонарем она казалась андрогином или даже инопланетянкой.

Женщина подняла вверх маленький пластиковый пузырек. Внутри него Бреннан увидел две крошечные нити, подсвеченные полуденным солнцем и переплетенные между собой, словно в танце.

– Я думаю, это нити от перчаток, – предположила Йенсен. – Скорее всего, они из нейлона. Но точно мы это узнаем, когда рассмотрим их под микроскопом.

Глава 10

Вечером накануне похорон мать Тома осушила две порции джина с тоником, после чего приняла «Амбьен»²⁰. Том и его сестра заметили, как она зашаталась на лестнице и схватилась за перила, и Том подбежал, чтобы поддержать ее на площадке второго этажа.

– Никогда не смешивай алкоголь и снотворное, – упрекнул он мать, провожая в спальню.

– Я просто хотела заснуть, – сказала она немного невнятно.

Спальня с низким потолком производила гнетущее впечатление, а из ее окон частично открывался вид на пятую лунку не самой фешенебельной в Боке площадки для игры в гольф. В комнате были разбросаны безделушки, оставшиеся после сорока лет несчастливого брака, а в центре доминировала кровать королевского размера, которую Смиты возили по всей стране от одного отделения ФБР к другому. На этой кровати его зачали в Техасе, когда отец начинал свою карьеру в роли патрульного, на ней же в Виргинии в возрасте десяти лет Том занимался дзюдо. На протяжении более четырех десятилетий два человека, которые все меньше любили, а к концу просто не выносили друг друга, каким-то образом находили утешение, занимаясь на ней любовью. Мать Тома, рухнув на постель прямо в одежде, зарылась лицом в ворох подушек.

– Ма, ты же не разделась, – сказал ей Том. – Я приведу Трейси.

– Я уже здесь, – объявила Трейси, которая вошла вслед за ними. – Я уложу ее в постель и побуду с ней немного.

– Уходи! – крикнула мать приглушенным подушками голосом. – Я в полном порядке, черт возьми!

– Ты далеко не в порядке, – возразила ей Трейси. – Совсем нет.

Том оставил их вдвоем и снова направился вниз. Поставив на место джин, он заметил на полке бутылку отцовского «Джека Дэниелса». Поколебавшись, он налил себе полстакана. От первого же глотка его затошнило, и он едва не вылил все в раковину – Том всегда ненавидел этот запах и вкус. Отцу не понравилось бы, что он разбавил его, но Том, бросив в напиток три кубика льда, потащил звенящий стакан в его кабинет.

Уоррен был аккуратным мерзавцем, и все его вещи всегда находились на положенных местах. Перьевые ручки стояли по стойке смирно в кофейной чашке с надписью «ФБР» – кто сейчас пользуется перьевыми ручками? Дорогие сердцу отца клюшки для гольфа были расставлены по порядку в сумке у окна, а книги на книжной полке рассортированы по авторам в алфавитном порядке. Круг чтения отца ограничивался американской военной историей, а на его столе стояла толстая биография Дугласа Макартура²¹ с игровой картой вместо закладки. Том извлек туза пик и увидел, что отец остановился на высадке американского морского десанта в Инчхоне.

Макартур никогда не нравился Тому, так что он закрыл книгу и сразу приступил к поискам. То, что он искал, не могло находиться в ящиках стола, но в самом нижнем Том, к своему удивлению, обнаружил небольшой альбом со своими детскими фотографиями. Он переворачивал страницы, наблюдая за тем, как вырастает из улыбающегося младенца в серьезного вида мальчишку – игрока малой бейсбольной лиги, размахивающего битой, явно слишком большой для него, а затем в обладателя желтого пояса по карате, который изо всех сил старается выглядеть угрожающе. Ни на одной из фотографий Уоррена не было видно, но в какой-то мере его невидимое присутствие ощущалось везде – того самого Уоррена, которого Том отчаянно пытался завоевать с самого детства.

---

²⁰ Сильное снотворное. – Прим. ред.

²¹ Американский генерал, подписавший Акт о капитуляции Японии.

Он на пару секунд задержался на снимке, сделанном в его десять лет, где он был без рубашки, худой, как стручковая фасоль, и в боксерских перчатках, затем закрыл альбом и отправил его обратно в нижний ящик стола.

Сделав небольшой глоток виски, Том уселся в офисное кресло Уоррена с опорой для поясницы, зафиксированной липучкой «Велкро». Окинув взглядом кабинет, он остановился на шкафчике в углу. Том подошел к нему, открыл и просмотрел содержимое. Там лежали старые клюшки для гольфа, которыми отец больше не играл, но, по-видимому, не мог выбросить, металлическая коробка с рыболовными снастями, деревянная теннисная ракетка с потертой рукояткой и десяток аккуратно сложенных свитеров для холодной осени на севере. И действительно, черная кожаная кобура, которую Том помнил с детства, но не видел уже больше десяти лет, лежала на верхней полке. Он достал ее, отнес на стол и положил перед собой, а затем осторожно открыл две металлические застёжки.

Пистолет марки «кольт», который отец носил на протяжении всей службы, покоился в углублении на черном поролоне. Том часто видел его, но никогда прежде до него не дотрагивался. Он взял пистолет, прикидывая, то ли это оружие, которое спасло жизнь Бреннану тридцать лет назад. Действительно ли отец стрелял из него в людей? Том обхватил рукоятку и медленно поднял пистолет, целясь в висящую на стене голову антилопы.

– Опустить эту дурацкую штуку! – послышался в дверях испуганный голос.

В комнату вошла Трейси, и Том поспешно убрал пистолет в кобуру.

– Как там мама? – быстро спросил он, немного смущенный тем, что его застали врасплох.

– В отключке, – сказала она. – И не скоро очнется, если только ты не начнешь стрелять по охотничьим трофеям. Пошли отсюда.

Через заднюю дверь и калитку в сетчатой изгороди они вышли на погруженное в темноту поле для гольфа. Они пробрались через густые насаждения на фервей²² и молча побрели бок о бок по низко подстриженной траве, погруженные в собственные мысли.

– И часто она так себя ведет? – наконец спросил Том.

– Ты имеешь в виду таблетки или выпивку?

– И то и другое.

– Если бы ты бывал здесь больше, ты бы это знал.

Том не хотел ссориться.

– Ну да, наверное, меня слишком долго не было. Не знал, что ты часто у них гостишь.

– До Ки-Ларго отсюда меньше двух часов, – сказала Трейси. – Я приезжаю на обед или ужин и возвращаюсь обратно. – Она помолчала. – Последние два года мама принимала снотворное по рецепту врача. Кажется, она подседа на таблетки и уже не может без них обходиться. Джин появился совсем недавно. В последнее время Уоррен сильно налегал на бутылку, и они напивались вместе.

– Думаю, он чувствовал, что конец близок, – произнес Том.

– Это не мешало ему пить, – раздраженно бросила Трейси, когда они приблизились к зеленой площадке вокруг лунки и обогнули песчаную ловушку. – И уж точно не делало его приятнее.

– Не делало, – согласился Том. – Но теперь он ушел, и я думаю, нам нужно похоронить его со всей любовью, какую мы только сможем в себе найти. – Он вдруг понял, что в точности повторил слова Бреннана, которые прозвучали теперь немного странно. – Я надеюсь, что завтра утром кто-нибудь появится. И если соберется приличная толпа, думаю, маме станет немного легче. У него ведь были какие-то партнеры по гольфу и игре в покер, верно?

---

²² Основная часть площадки с травой средней высоты (40–50 мм.) – Прим. ред.

– Что-то мне подсказывает, что они вряд ли появятся, – с усмешкой сказала Трейси, вступая на грин²³.

– Трейс, может, нам стоит остаться на фервее?

Эти гринны, о которых нужно вечно заботиться... сущий ад.

– Да мне-то что! – Она раздраженно пнула кусок дерна. – Если утром придет хотя бы с десяток, я страшно удивлюсь.

– Кажется, ты и правда считаешь нашего отца не очень-то хорошим человеком.

– На их месте я бы тоже не пришла, – с горечью сказала она. – И я не собираюсь говорить речь. Мама хочет, чтобы кто-то из нас сказал несколько слов, так что ты попал.

– Отлично. Мне жаль, что ты так на него злишься, даже когда он ушел. Но я знаю, что у вас были проблемы.

Мелкий зверек метнулся перед ними во тьме и исчез в кустах. Трейси глубоко вдохнула ночной воздух и очень медленно выдохнула, обхватив себя руками.

– Ты знаешь, что он меня лапал?

Том был по-настоящему потрясен. Подойдя ближе, он тихо сказал:

– Я и понятия не имел, Трейс. Мне очень жаль.

– Мне было двенадцать. Он напился и стал водить руками по моему телу. Я его укусила. Больше он этого не делал.

– Наверное, он был в стельку пьян.

– Не смей его оправдывать!

– Я и не оправдываю. Но примерно в то же время отец избивал меня, и я чувствовал, как от него разит. Я пытался убедить себя в том, что, возможно, он не понимал, что делает.

– Он понимал, что делает, – раздраженно сказала Трейси. – И вот что я тебе скажу: завтра ты должен найти в себе любовь за нас обоих. – Они вышли с гринна и направились к ти²⁴ шестой лунки. По какой-то странной причине они двигались по полю так, словно играли на нем. – А потом сделай мне еще одно одолжение, брат, прежде чем снова исчезнешь, – сказала она, взглянув на него со злостью и тревогой. – Не становись таким, как он.

– С чего ты вдруг об этом подумала?

– Ты пил его виски и держал в руке его пушку.

– Завтра похороны, и я просто думал о нем – вот и все.

– Ты занимаешься его работой.

– Это совершенно другая работа, Трейс.

– Чушь собачья! – огрызнулась она. – Это все равно ФБР.

– ФБР делает правильное и нужное дело – ловит плохих парней. И я не вижу в этом проблемы.

Они достигли шестой лунки, и Трейси остановилась. Рядом находилась водная преграда – колодец с водой, в круглом маленьком озере поблескивало отражение луны.

– Дети алкоголиков становятся алкоголиками, – тихо произнесла она. – Дети мерзавцев – мерзавцами. Это общеизвестный факт. Ты уехал, и я завидовала тебе и восхищалась тем, что у тебя хватило сил порвать с ним. Пожалуйста, не попадайся в эту ловушку сейчас.

– Ты притащила меня сюда, чтобы сказать мне *это*? – спросил он.

– Отчасти, – ответила она. – Я знаю, чем ты занимаешься. В ФБР. Мама мне рассказала. Не смей его ловить.

– Не имею понятия, о чем ты говоришь, – сухо сказал Том, – но нам лучше вернуться в дом.

– Я разговариваю о нем с дельфинами, – продолжала Трейси.

---

²³ Площадка вокруг лунки с самой короткой травой.

²⁴ Специально отмеченная площадка поля, откуда начинается игра на каждой лунке.

– Ты все еще работаешь в том месте в Ки-Ларго? – спросил Том, вспомнив, что сестра сходит с ума по Зеленому Человеку, и отчаянно пытаюсь сменить тему. – Я думал, они... Думал, это не работает.

– Почти год я не принимаю наркотики, прошла программу по реабилитации и сдаю анализы каждую неделю. Меня снова взяли на испытательный срок. Все идет прекрасно, и мне это нравится.

– Это просто замечательно, Трейс. Ты всегда была там счастлива.

– Я плаваю с ними по утрам, в заливе, и знаю каждого из них, а они знают меня. И мы разговариваем. Не смотри на меня так, словно я сумасшедшая.

– Я просто слушаю.

– Я не утверждаю, что они понимают каждое мое слово. Мы общаемся друг с другом на ином уровне. Пойдем, поплаваем с нами, и, возможно, ты сам все увидишь и перестанешь быть таким ужасным скептиком.

– Ладно, пожалуй, я соглашусь. А сейчас, может, вернемся? Я замерз, и мне нужно облудить, что я буду говорить завтра о папе.

– Они чувствуют угрозу. Можешь в это не верить, но они знают, что в море уже не так много рыбы, а температура воды становится выше и что каким-то ужасным образом все медленно и неуклонно меняется. Думаю, они также знают, что мы почти всё уничтожили – зашли так далеко, что отступить уже слишком поздно. И потому, когда я плаваю с ними, то говорю, что есть тот, кто не сдастся. Кто-то, кто борется за нас. Человек, который, возможно, спасет нас. Если ты его не поймаешь.

– Можешь оставаться здесь, а я иду домой. – Том повернулся к дому, но она схватила его за руку. У нее были сильные руки, и она его удержала.

– Не делай этого. Ты не такой. Я знаю тебя лучше, чем кого-либо еще.

Он высвободился и снова взглянул на нее.

– Он убийца. Он убивает невинных людей. И вообще, с чего ты взяла, что я смогу его поймать? Я всего лишь маленький винтик в колесе. Совершенно незначительный. Я анализирую данные, ища закономерности, или, по крайней мере, пытаюсь их искать, но еще не нашел ни одной. Я нахожусь под нижней ступенькой лестницы.

– Кто-то звонил из отделения ФБР в Майами, – сообщила Трейси. – Они пошлют за тобой машину, чтобы доставить тебя завтра в аэропорт прямо с похорон.

– О чем ты говоришь? Я собирался побыть несколько дней с тобой и мамой. А кто звонил?

– Они велели передать тебе, что ты нужен Бреннану прямо сейчас. Разве это не тот, с кем когда-то работал папа? Это не похоже на нижнюю ступеньку лестницы. Судя по всему, ты довольно важная персона.

– Это безумие, – произнес Том. – Я ничего не знаю об этом.

– Вот что, младший брат, – с ностальгической и горькой улыбкой сказала Трейси. – Мы всегда соперничали – как будто у меня был шанс! Ты всегда был самым умным – умнее своих учителей, и у тебя все отлично получалось. Ты получал высшие баллы на всех экзаменах. Ты пытался по-своему доказать ему, что достоин его уважения.

– Трейс, я делал это для себя, а не ради него. Он едва замечал это. И я никогда с тобой не соперничал...

– Вот и хорошо, потому что он уже мертв. Я всего лишь жалкая дрессировщица дельфинов на постоянном испытательном сроке. Мама – вдова, сидящая на таблетках. Но у тебя все получится, и я хочу, чтобы ты все сделал правильно – правда, Том. Поезжай на запад, где ты учился. Построй себе замок, заведи семью, и я буду приезжать, чтобы пожить в доме для гостей в твоём винограднике. Но не смей ловить этого человека, превратив это в попытку померяться силами. Не ставь перед собой такую задачу, так как мы оба знаем, что ты найдешь способ ее

решить. Он действительно наша последняя надежда, и в глубине души ты знаешь это так же хорошо, как и я.

Глава 11

Посреди совещания в кабинет поспешно вошел помощник генерального прокурора и передал ей записку. Явно раздраженная тем, что ее прервали, она недовольно взглянула на него, но, прочтя записку, сразу кивнула и сказала:

– Передайте, что мы уже выезжаем.

Переведя взгляд на влиятельных людей у себя в кабинете, она добавила:

– Господа, нас вызывают, и сейчас же.

Не прошло и десяти минут, как Бреннан, его шеф – директор ФБР Джон Хэвиленд, – министр национальной безопасности Вэнс Мерфи и остальные на двух машинах въезжали в ворота Белого дома. Они прошли регистрацию у сотрудника Секретной службы и безо всякой задержки направились внутрь. Бреннан несколько раз бывал в Белом доме, но никогда не испытывал ничего подобного. В мгновение ока он очутился в Овальном кабинете на брифинге по крайней мере с десятью высокопоставленными министрами Кабинета и советниками президента, не говоря уже о самом президенте Соединенных Штатов, который сидел за столом «Резолют», потягивая имбирный эль и бросая взгляды на телевизор в углу, беззвучно транслирующий игру студенческой футбольной²⁵ лиги.

Бреннан старался не слишком вдаваться в технические подробности, объясняя относительную редкость перчаточных волокон нейлонового и медного плетения, но подчеркнул, что находка в конечном итоге может принести долгожданный прорыв.

– Наиболее вероятно, что перчатка была изготовлена небольшой семейной компанией, популярной среди охотников на оленей. Подобные перчатки продают лишь в десятке спортивных магазинов в Миннесоте, Висконсине и Мичигане, – сообщил он.

– То есть вы хотите сказать, что Зеленый Человек является охотником на оленей со Среднего Запада? – прервал его президент.

– Мы этого не знаем, сэр. Но действительно, перчатка, судя по всему, была куплена на Среднем Западе, и, возможно, скоро мы сможем более точно установить, где именно.

– Но если он такой умный, зачем ему использовать перчатки, которые продаются в узком кругу и в таком ограниченном районе? – спросила генеральный прокурор. – Почему бы не выбрать что-нибудь более распространенное – то, что невозможно отследить?

– На самом деле, это мудрый выбор. Перчатки такого типа являются исключительно прочными и...

– Что конкретно вы имеете в виду? – немедленно подала реплику генеральный прокурор, не дав Бреннану закончить фразу. – В каком смысле прочными? Объясните нам это непрофессиональным языком, Джим.

– Они не теряют волокон. Он явно надевает эти перчатки каждый раз, когда выходит на операцию, и до сих пор мы не находили никаких волокон. Вероятнее всего, он спонтанно выполнил какое-то незапланированное действие. Как будто прихлопнул москита, и нам повезло...

– Или, может, он дрожил, представляя как будет нас трахать, – сказал президент, и некоторые из его советников-мужчин подобострастно ухмыльнулись.

Бреннан слышал о том, что президент использует вульгарную брань во время совещаний, и все же его неприятно поразили подобные слова в Овальном кабинете с портретами Вашингтона, Линкольна и Джефферсона, смотрящими на них сверху вниз.

Бреннан уже собирался сказать: «Это вполне возможно, сэр», – но промолчал.

Президент ткнул пальцем в Бреннана.

²⁵ Подразумевается американский футбол.

– Так чем же конкретно это волокно нам поможет?

– Ну, сэр, если перчатка действительно куплена на Среднем Западе, это задает нам – причем впервые – некоторую направленность в наших поисках. Если он ездил туда и возвращался назад, мы можем предположительно выстроить его маршрут и отметить дороги, по которым он передвигался на своем, как мы теперь считаем, автофургоне...

– А если он живет в Сан-Франциско и купил перчатки на Среднем Западе лишь для того, чтобы сбить вас со следа? – перебил его министр национальной безопасности.

– Это предположение меня не смущает, – ответил Бреннан. – Кроме того, мы смогли получить с одного из волокон образец ДНК. К сожалению, он крошечный и разложился до такой степени, что немного может нам сообщить, но наши лучшие эксперты его изучают, и как минимум он будет полезен для идентификации, как только подозреваемый будет задержан.

– Значит, когда вы поймаете Зеленого Человека, то будете знать, что поймали именно его? – спросил президент. – Мне нужно что-то более определенное. – Он наклонился вперед, поставив локти на стол, и посмотрел на генерального прокурора. – Мег, вы действительно привлекли к этой работе своих лучших людей?

Вопрос явно относился к Бреннану, и все присутствующие это понимали.

– Да, господин президент, – без колебаний ответила она. – Мы понимаем всю важность этого дела, и наши самые опытные и наиболее квалифицированные специалисты не оставляют без внимания ни единого камешка.

– Чтобы было ясно – мне глубоко плевать, что они там делают с камнями, – сказал ей президент. – Мне надо, чтобы этого парня прижали. Но прямо сейчас я хочу, чтобы вы, ребята, направились в кабинет пресс-секретаря и помогли ей составить заявление, которое она сделает через полчаса перед национальной прессой, в то время как вы будете стоять у нее за спиной. Оно должно быть оптимистичным, но в то же время напомнить о гибели ни в чем не повинных людей во время последней атаки и пяти предыдущих. Пресс-секретарь не будет отвечать на вопросы, и вы тоже. А потом я хочу, чтобы вы поймали этого ублюдка. Это все.

Все встали, чтобы покинуть кабинет, но президент, указав пальцем на Бреннана, сказал:

– Задержитесь еще на минуту.

Бреннан взглянул на директора ФБР, но Хэвиленд лишь слегка пожал плечами и послушно проследовал за остальными. Кто-то закрыл дверь снаружи.

– Присаживайтесь, – предложил президент, и Бреннан сел. – Хотите чего-нибудь выпить?

– Нет, сэр. Спасибо.

Президент так долго наблюдал за футбольным матчем, что Бреннан не удержался и сам взглянул на экран. Игрок команды Университета Дьюка²⁶ сделал длинный пас, создав положение «вне игры».

– Ох уж эти наглые «Синие дьяволы»! – проворчал президент. – Вы ведь учились не в Дьюке?

– Нет, сэр, я учился в Университете штата Пенсильвания.

На полке прямо за головой президента стояла статуэтка работы Ремингтона «Бронко Бастер». В летнем доме Бреннана в Таппаханноке хранилась ее копия, но он знал, что сейчас видел перед собой оригинал.

– В Пенсильвании была чертовски хорошая футбольная команда, – сказал президент. – Я вам этого не говорил, но Патерно²⁷ здорово насадили. Он один смог прославить этот коровник, а они его завалили. – Он нажал кнопку на столе. – Бетти, принеси мне еще имбирного и позаботься, чтобы он был холоднее, чем в прошлый раз. – Президент снова взглянул на Бреннана. –

---

²⁶ Находится в Северной Каролине.

²⁷ Джо Патерно – тренер футбольной команды Университета штата Пенсильвания, приведший ее к рекордному количеству побед. Подозревался в сокрытии преступления своего помощника, обвиненного в сексуальном насилии над детьми. После громкого дела был уволен, а все его награды переименованы. – *Прим. ред.*

Так вас нанимал еще Гувер? – В его устах это звучало как название компании по производству пылесосов.

– Да, сэр, в 1972 году. Это был его последний год, в том же году он умер.

– И что вы о нем думаете?

– Он был сложный человек, сэр. И я мало с ним контактировал.

– Он был великим американцем, – произнес президент. – Потому что знал свое дело.

Ведь все сводится именно к этому, не так ли?

Обычно Бреннан хорошо представлял интеллект своего собеседника, но о президенте ничего нельзя было сказать наверняка. Его самоуверенность и хвастовство могли скрывать за собой как компетентность, так и глубокое невежество и полную глупость.

– Да, сэр, все сводится именно к этому.

– Вы знаете, кто такой Чандлер Эванстон?

Имя показалось ему смутно знакомым, но Бреннан никак не мог его идентифицировать.

– Нет, сэр.

– Это генеральный директор фирмы-учредителя энергетической компании, владеющей нефтепроводом в Орегоне, который Зеленый Человек взорвал год назад.

– Да, сэр. Теперь я понял, кто это.

– Мы завтракали с ним на прошлой неделе, – продолжил президент. – Он рассказал, что после того, как трубопровод был уничтожен, его компания столкнулась с растущими препятствиями, и не только на Западе, но и везде, где они работают. Сейчас в Конгрессе обсуждаются два законопроекта, согласно которым такого рода трубопроводы станут чертовски трудно согласовать. Вы понимаете, что я имею в виду?

Бреннан замялся.

– Не уверен, господин президент.

– Зеленый Человек также нанес удар по химическому заводу в Мэйфилде, штат Массачусетс. Среди его продукции, как вы, должно быть, знаете, есть и такая, которую паникеры называют мощным разрушителем озонового слоя, ускоряющим глобальное потепление. Разумеется, этому нет никаких доказательств, что, однако, к делу не относится. Выбрав данный объект, Зеленый Человек создал массовое сопротивление левых психов, которые требуют всевозможных нормативных актов и призывают к исследованию продукции, которую выпускает Мэйфилд и десяток компаний, подобных ему, а также ставят под вопрос возможность ее производства. Вы на моей стороне?

– Вы хотите сказать, что, когда Зеленый Человек поражает цель, он не только уничтожает объект, но также стимулирует движение против этой индустрии?

Президент улыбнулся, что делал чрезвычайно редко, и эта улыбка выглядела угрожающе.

– Да поможет нам Бог, если терроризм начнет вторгаться в народное сопротивление и даже в государственную политику, поскольку тогда дела наши окажутся в заднице, – произнес он. – Прежде всего потому, что трудолюбивые американцы рискуют потерять работу, а я избран для того, чтобы этого не случилось. С другой стороны, существует множество потенциальных «зеленых людей» с социалистическими взглядами. Понимаете?

– Мы, разумеется, хорошо осведомлены о потенциале подражателей, – согласился Бреннан. – Именно по этой причине мы строго лимитируем информацию о конкретных технологиях, которые он использует в своих атаках...

– Итак, Гувер нанял вас в другом столетии, – прервал его президент, – но ведь вы все еще на высоте?

– Я очень хочу поймать Зеленого Человека, сэр. Я делаю все, что в моих силах.

– Тогда почему вы его не поймали?

– Потому что он умен и очень осторожен. Но мы подбираемся все ближе, и я схвачу его.

– А вы в курсе, что менее чем через год начнется президентская кампания и она будет очень жаркой? Вас это не интересует?

Бреннан помолчал. До сих пор его не спрашивали о таких вещах.

– Я никоим образом не политик, сэр, если вы спрашиваете об этом, но я определенно не хочу, чтобы Зеленый Человек продолжал делать то, что делает, – убивать невинных американцев с целью осуществления своих политических задач. Пятьдесят лет я был лояльным государственным служащим и...

– В вас все еще горит огонь?

– Несомненно, сэр. Но если вы считаете, что есть кто-то лучше...

– Если бы я считал, что есть кто-то лучше, вы бы сейчас не сидели в моем кабинете и не оправдывались.

Президент не сводил с Бреннана пристального взгляда целых десять секунд, позволяя своей харизме сделать свое дело. И Бреннан действительно ее прочувствовал. Это было почти осязаемо и пробирало насквозь.

– Если вам что-нибудь понадобится, – наконец сказал президент, – просто попросите. Больше денег, больше людей... – Он нажал на столе черную кнопку и проревел: – Бетти, ты что, ездила в Китай за этим проклятым имбирным пивом?

Глава 12

В Клуб исчезающих видов входили четырнадцать первокурсников, семь второкурсников, один студент предпоследнего курса и одна старшекурсница, что отражало рост интереса к окружающей среде в Академии Карлайла за последние два года. Их презентация состоялась перед большой аудиторией в конференц-зале в красивом кирпичном здании на Верхней Западной стороне. Джули как единственная студентка последнего курса вышла первой, и Эллен испытала смешанное чувство гордости и тревоги, когда ее дочь поднималась на сцену с докладом о белых медведях. Девушка была круглой отличницей, но боролась со страхом публичных выступлений и последние две ночи не спала, переживая за свою презентацию.

Она немного постояла, щурясь из-за стекол очков и нервно теребя край рубашки, – высокая девушка с прической «афро».

– Ну, давай, девочка! – прошептала Эллен.

Она сама никогда не сталкивалась с подобной проблемой. Эллен выступала перед тысячами людей на лекциях и митингах, на университетских мероприятиях, вела десятки больших и малых курсов Колумбийского университета и часто оказывалась в роли приглашенного комментатора в прямом эфире. Она не совсем понимала страхи своей дочери, но знала, что они совершенно реальны.

– Ты сможешь это сделать, детка.

– Она справится, – ласково проговорила женщина справа.

Эллен, сообразив, что говорила чересчур громко, поблагодарила женщину улыбкой и огляделась по сторонам, чтобы убедиться, что ее не слышал кто-то еще. Она не особенно удивилась, что во всей аудитории была единственной темнокожей родительницей, а Джули – единственной цветной студенткой. Несмотря на все разговоры о поощрении этнического разнообразия, прогрессивная и чрезвычайно избирательная Академия Карлайла оставалась богатой и лилейно-белой.

– Я бы хотела поблагодарить всех вас за то, что вы пришли сюда сегодня, – нерешительно начала Джули дрожащим от волнения голосом. – Мы представляем Клуб исчезающих видов, и сегодня вы услышите о животных, которым грозит реальная опасность. О некоторых из них вы, вероятно, уже знаете, так как они очень милые и потому популярные. О других вы могли никогда не слышать, поскольку они малоизвестны, и, по правде говоря, некоторые люди находят их уродливыми. – В зале послышалось смехи, и Джули на секунду замолчала. – Но все они заслуживают шанса: белые медведи и пчелы, тигры и бабочки-монархи и даже странного вида морские слизи, живущие в исчезающих коралловых рифах. Но прежде, чем мы начнем говорить об этих далеких экзотических видах, от имени членов нашего клуба я хотела бы напомнить вам о другом исчезающем виде, который находится гораздо ближе.

Джули выдержала паузу, чтобы глубоко вдохнуть, и как будто расслабилась, а может, когда она заговорила снова, ее очевидная нервозность начала работать на нее, делая ее речь более страстной.

– Говорят, что каждое поколение вырастает с некой надвигающейся угрозой, с которой люди вынуждены бороться. У наших прадедов это были Первая мировая война и испанский грипп. У бабушек и дедушек – Вторая мировая и фашизм. Наши родители столкнулись с холодной войной и гонкой вооружений. Но во всех этих случаях была надежда. Они могли вылететь от гриппа, победить Гитлера или ограничить число ракет. Но у нас все по-другому.

И все же Джули их сделала! Эллен была вне себя от радости. Она сама обладала даром ораторского искусства, но впервые видела, чтобы ее дочь захватила аудиторию, держа ее на ладони руки, которая была теперь протянута к залу, как будто Джули чего-то просила или

даже требовала. Ее голос все еще звучал не слишком уверенно, но больше не дрожал и стал вдохновляющим и сильным.

– Мы – первое поколение, которое растет без надежды. Фактически мы почти обречены.

Никто в зале не шевелился. Все пристально смотрели на высокую, нервную темнокожую девочку в свете прожекторов.

– Мы все это знаем, – негромко продолжила она. – Многие из нас отказались иметь детей, так как мы не считаем, что это будет справедливо по отношению к ним. И мы в нашем Клубе исчезающих видов особенно хорошо осведомлены об этом, так как представляем наглядно, что происходит с животными, рыбами и насекомыми, часть из которых появилась на Земле намного раньше людей. Мы изучаем, как они исчезают, и не можем отделаться от мысли, что это случится и с нами. Куда ушли дронты, куда уходят яванские броненосцы? И, возможно, мы обречены уйти вслед за ними. Как можно жить в мире, где нельзя дышать воздухом или пить воду? Итак, мы хотим поблагодарить наших родителей, бабушек и дедушек за то, что вы сегодня пришли, но хотели бы сказать вам одну вещь: пожалуйста, дайте нам то, что у вас было, – немного надежды. А теперь я хотела бы поговорить о белых медведях...

Ее прервали громкие аплодисменты, и женщина, сидящая рядом с Эллен, наклонившись, сказала:

– Это просто сенсация! Вашей дочери нужно идти в политику.

– Да поможет ей Бог, – отозвалась Эллен и гордо улыбнулась. – Спасибо вам. Она слышала несколько выступлений на митингах и, должно быть, прониклась ими.

Оставшаяся часть дня прошла как во сне. Презентация Джули о белых медведях пользовалась ошеломляющим успехом, и слушатели вздыхали, глядя на фотографии жалких детенышей на дрейфующем льду, оторвавшихся от стаи, пока взрослые особи охотились на тюленей. Другие члены Клуба также выступили успешно. Эллен уже знала большую часть представленной информации, но это не помешало ей внимательно выслушать четырнадцати-пятнадцатилетних детей. Они на ярких примерах описывали глобальную угрозу различным видам животного мира по всей планете – от глубочайших океанов до самых отдаленных островов и полярных ледовых шапок, а также заявляли о том, как мало времени осталось, чтобы это изменить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.